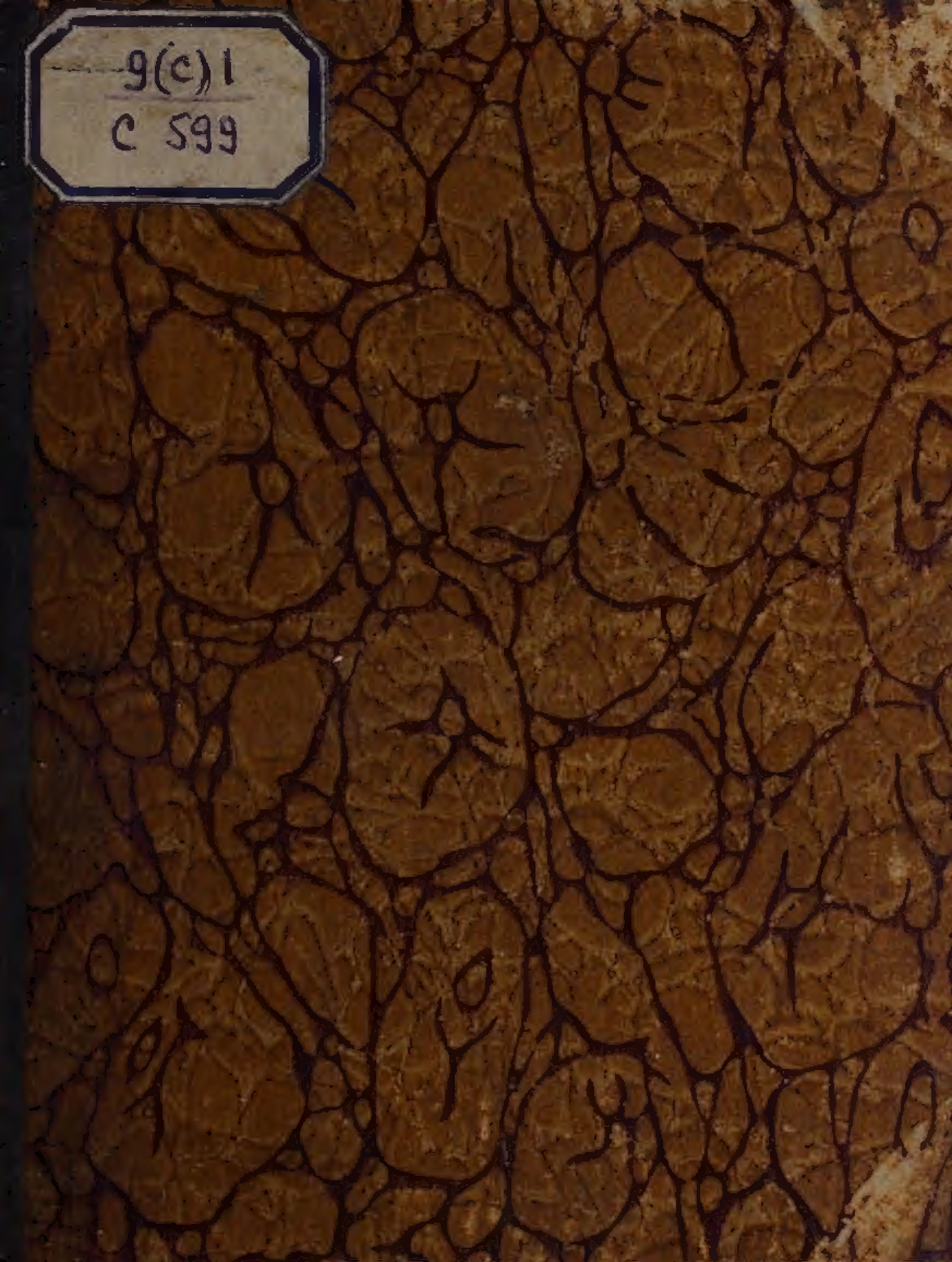
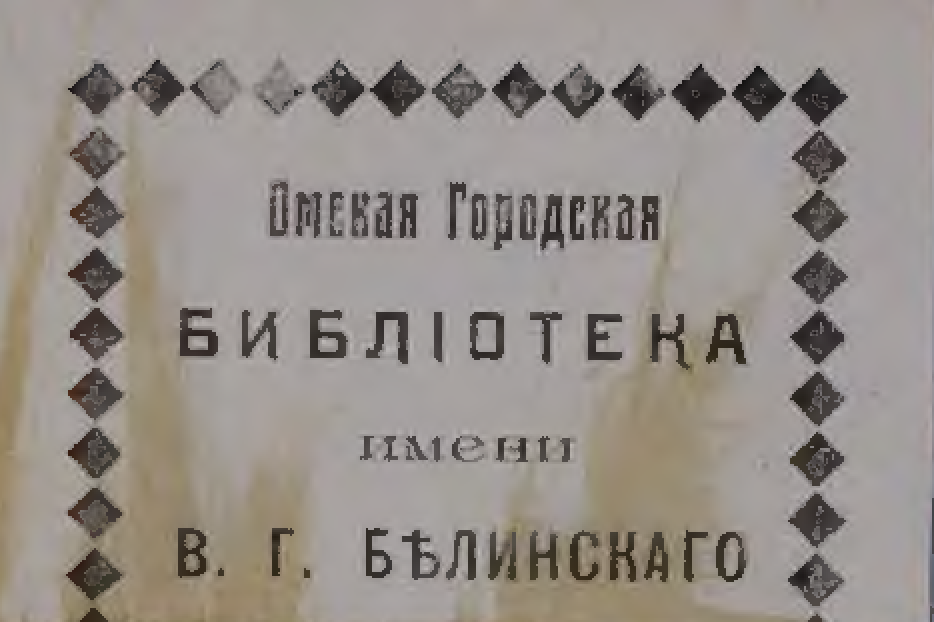
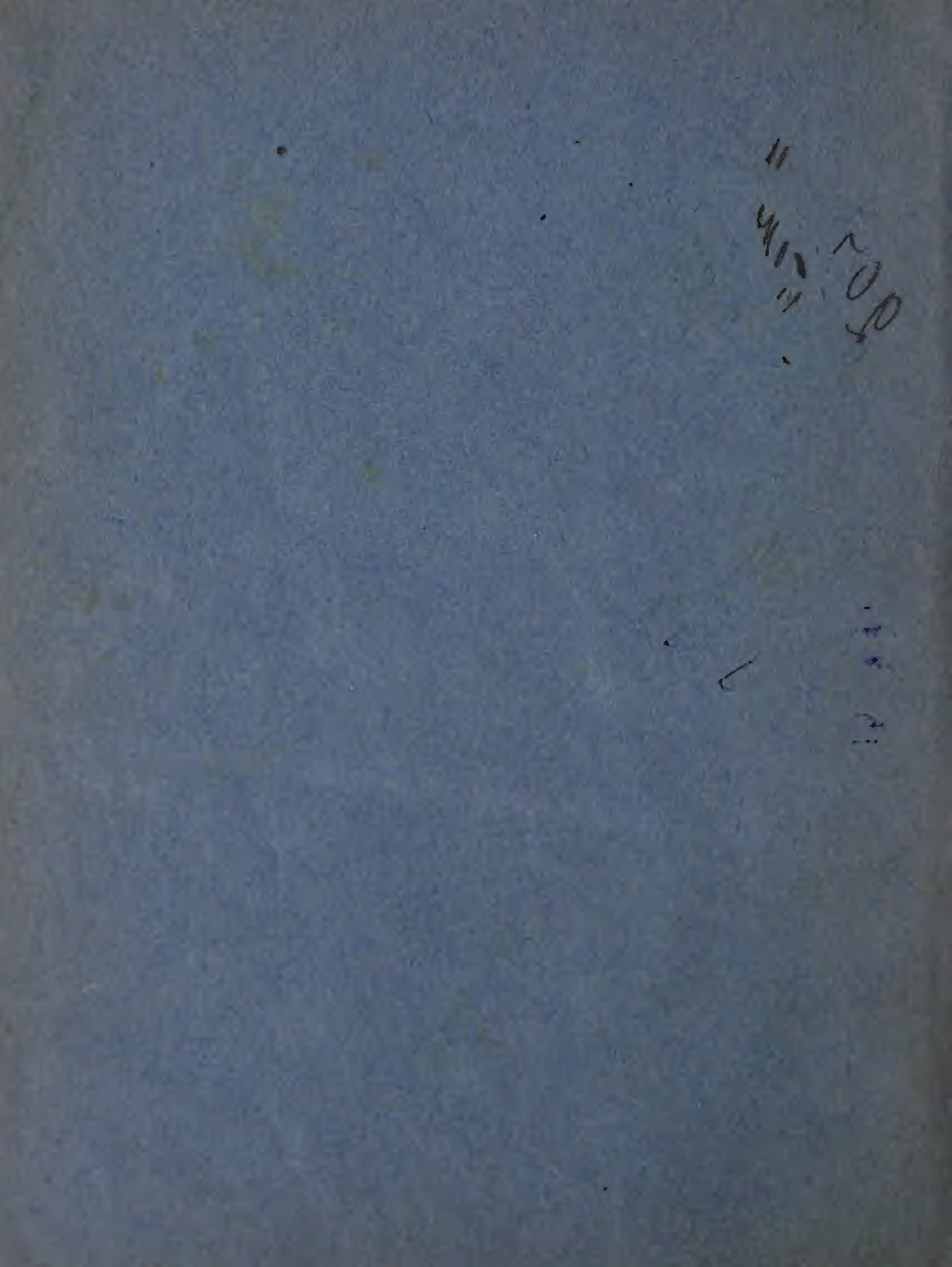
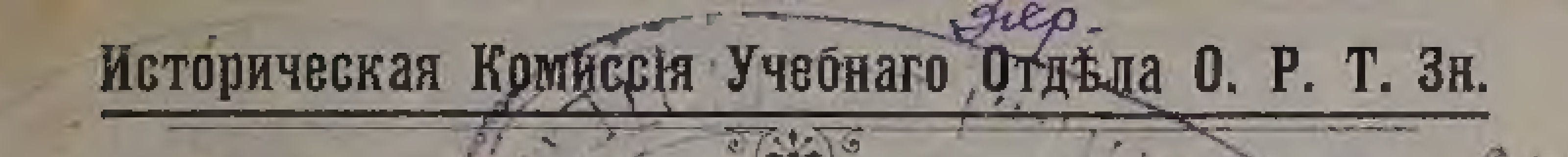
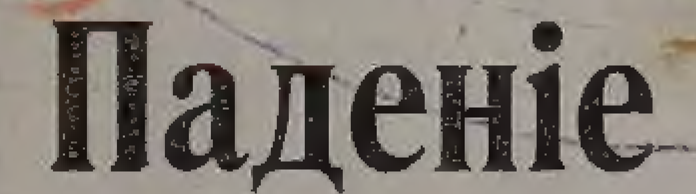

9(c)1
C 599

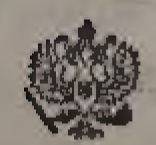

Историческая Комиссія Учебнаго Отдѣла О. Р. Т. Зн.

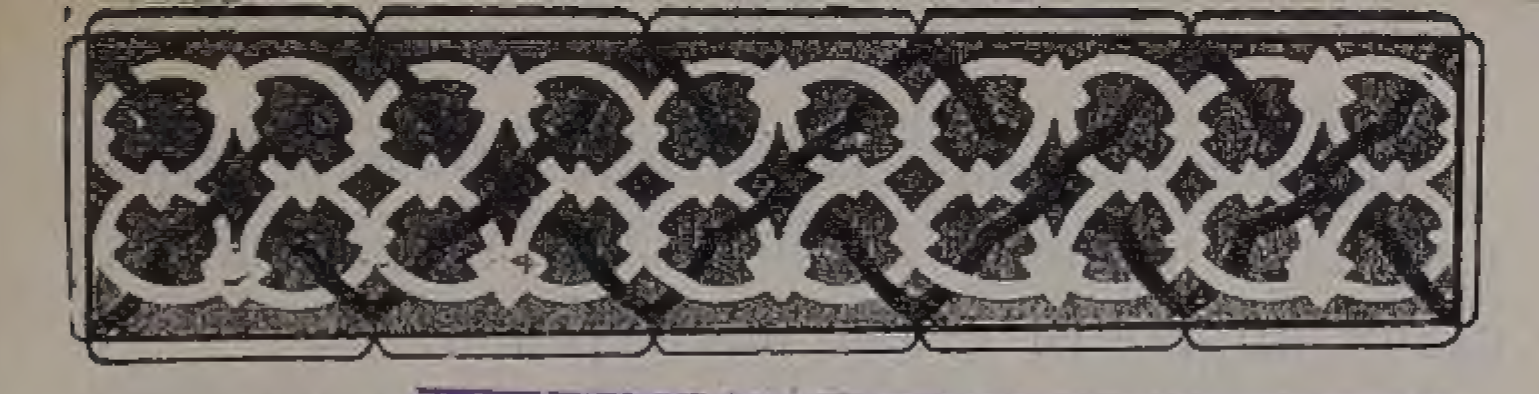
Паденіе крѣпостного права.

Очеркъ

Т. П. Сократовой (Алабиной).

Типографія Т-ва И. Д. Сытина, Пятницкая ул., свой домъ.
Москва,—1911.

„Сдаю тебѣ команду не въ томъ видѣ, въ какомъ хотѣлъ бы!“ сказалъ императоръ Николай I на смертномъ одрѣ своему сыну. И дѣйствительно, въ 1855 г. бѣдная Русь была въ большомъ безпорядкѣ...

Глухо волновалась 23-милліонная крѣпостная масса.

На югѣ шла несчастная крымская война; въ эту кампанію Россію вовлекли, съ одной стороны, благородная цѣль защиты христіанъ отъ притѣсненія султана, съ другой—гордая, но потерпѣвшая крушеніе мечта—заставить европейскія державы слушаться своего голоса. Страна оказалась неподготовленной; напрасно проливали кровь беззавѣтно-храбрые русскіе воины, они проигрывали сраженіе за сраженіемъ, и вотъ ужъ Севастополь обложенъ и съ суши и съ моря!

Что теперь значила отвага героевъ? Прекратился подвозъ жизненныхъ припасовъ, и сдача крѣпости стала неминуемой!

Какъ у нерадиваго хозяина, повсюду, во всѣ уголки Россіи забрался безпорядокъ; небывалая неурядица царила въ войсковомъ хозяйствѣ: на фуражъ отпускались баснословныя деньги, а лошади падали отъ голода; покупался овесъ по 16 рублей за пудъ, а на дѣлѣ лошадей кормили дубьемъ [1]). Никто не думалъ ни объ улучшеніи дорогъ ни о перевозочныхъ средствахъ...

Въ деревняхъ царило уныніе; казалось, радость навсегда покинула угрюмыя лица крестьянъ,—въ голодные годы никто не приходилъ на помощь ихъ нуждѣ, хлѣбъ пополамъ съ лебедой — вотъ чѣмъ кормилъ помѣщикъ работника-раба. Не радовались крестьянскія сердца и на хорошій урожай; за весь свой трудъ они оставались иногда безъ куска хлѣба.

Не лучше жилось народу и въ городахъ: высокія цѣны на всѣ продукты порождали голодныхъ и нищихъ. Въ торговлѣ—отвра-

---

[1]) Сухарями изъ мелкаго дубоваго кустарника.

тительныя дѣла; на фабрикахъ—застой, а о казенныхъ деньгахъ и говорить не приходится — затрудненія и запутанность въ этой области постоянно создаютъ правительству массу хлопотъ; военныя издержки приходится, въ концѣ-концовъ покрывать выпускомъ бумажныхъ денегъ. Напрасно правительство увеличиваетъ число чиновниковъ. Чиновники исписывали вороха бумагъ, выдумывали огромные уставы и проекты, получали деньги, а толку выходило мало. Государство стояло на пути къ гибели.

Ужасная язва разъѣдала Россію, забралась во всѣ ея уголки и мѣшала ея свободному росту.

Народная масса изнемогала подъ гнетомъ болѣе чѣмъ 200 - лѣтняго рабства!

Еще въ глубинѣ XVI вѣка затерялась свобода русскихъ крестьянъ. Постепенно крѣпкою сѣтью опутывали свободнаго крестьянина - арендатора долговыя обязательства передъ хозяиномъ - землевладѣльцемъ. Договорныя грамоты отнимали у него право свободнаго перехода съ мѣста на мѣсто, устанавливали оброки, все больше и больше сокращали его свободный трудъ. Кабала росла

съ вѣками, и въ XVIII вѣкѣ русскій крестьянинъ превратился окончательно въ безправное существо, которому не давали обрасти, но стригли яко овцу „догола".

Скверно жилось и въ богатыхъ помѣстьяхъ, еще хуже въ мелкопомѣстныхъ; въ такихъ „мужицкая спина съ избыткомъ вознаграждала за отсутствіе цѣнныхъ угодій... Ради удовлетворенія цѣлямъ раздолья тамъ неустанно выжимался послѣдній мужицкій сокъ". Напрасно крестьяне искали защиты. Нужно было совершить рядъ вопіющихъ злодѣйствъ, чтобы понести, въ родѣ знаменитой Салтычихи [1]), достойную кару за преступленія. Крестьянами торговали оптомъ и въ розницу, промѣнивали ихъ на утварь и на животныхъ; у крестьянъ отняли возможность дѣлать займы подъ векселя и расписки; не числясь нигдѣ въ законѣ рабомъ, крестьянинъ на дѣлѣ былъ безправнымъ существомъ. Крестьянъ били нещадно и кнутомъ и розгами, засѣкали на-смерть; били за крупные

---

[1]) Эта помѣщица замучила до смерти около 75 человѣкъ крѣпостныхъ; 21 разъ поднимали дѣло противъ нея и она тушила его своими взятками въ низшихъ судахъ; все-таки, въ концѣ-концовъ, ее приговорили къ смертной казни.

Императоръ Николай I.

проступки въ родѣ кражи, но били и за пустяки въ родѣ недосоленнаго супа на столѣ у барина. Воля господина проникала во всѣ мелочи крестьянской жизни,—ни отлучиться самовольно изъ имѣнья, ни взяться за работу по душѣ, ни жениться по собственному выбору крестьянинъ не имѣлъ права. Гдѣ кончалась эта власть господина, трудно указать; законы объ этомъ были темны и сбивчивы; больше держались обычаевъ.

Даже правительственныя распоряженія не могли смягчить горькой участи крестьянъ, жизнь оказывалась сильнѣе; такъ, въ 1797 г. императоръ Павелъ I издалъ указъ, чтобы крестьяне дѣлили пополамъ барщину и трудъ на себя; во многихъ мѣстахъ помѣщики истолковали этотъ указъ такимъ образомъ: „Недѣлю велѣно дѣлить поровну. Это значитъ, что крестьянинъ обязался работать на насъ днемъ, а на себя—ночью". Поборы съ крестьянъ были велики, съ каждой души взималось оброку круглымъ числомъ до 5 рублей. Да сверхъ того, „столовый запасъ" брался различными продуктами, какъ-то яйцами, птицей, овечьей шерстью, холстомъ и т. п. предметами; да для работъ опять-

таки крестьяне ставили на мірской счетъ до 20 плотниковъ на разныя надобности помѣщика всякое лѣто; отъ крестьянъ же снаряжали для помѣщика до 200 подводъ и т. д. и т. д. Въ сельскомъ хозяйствѣ при крѣпостномъ правѣ шло разрушеніе: „лѣса (у помѣщиковъ) представляли не то, чтобы доходную статью, а скорѣе средство добыть большую сумму денегъ... Помѣщики захватывали земли въ пользованіе больше, чѣмъ могли обработать, а потому зачастую добро шло прахомъ, лѣса гнили на корню, горѣли, болота не осушались и заражали мѣстность своими вредными испареніями, народъ тощалъ, дѣлался малосильнымъ и малорослымъ“...

Голодный русскій народъ, задавленный рабствомъ и невѣжествомъ, жилъ въ темныхъ дымныхъ избахъ, подъ покривившимися соломенными крышами. Жилъ народъ въ великорусскихъ деревняхъ общиннымъ бытомъ, въ Малороссіи и на Западѣ онъ владѣлъ землею подворно или посемейно. Община имѣла важное значеніе для крестьянина, такъ какъ соединяла крестьянъ воедино. Жизнь въ одиночку въ крѣпостное время представляла неимовѣрныя тяготы. Въ одинхъ

Торгъ крѣпостными. (Съ картины *Зайцева*).

мѣстахъ крестьяне жили на оброкѣ, который лежалъ, собственно, не на землѣ, а на ихъ рабочей силѣ и промыслѣ; въ черноземныхъ мѣстахъ господствовала барщина; иногда же эти двѣ формы крѣпостническаго владѣнія смѣшивались. Кромѣ всего того, масса крѣпостныхъ жила въ качествѣ дворовыхъ. Но каковы бы ни были внѣшнія условія ихъ быта, при крѣпостномъ правѣ крестьянамъ жилось плохо; имъ некогда было обрабатывать свои осиротѣлыя поля, рабочаго скота было мало, отчего поля не удабривались; жили крестьяне въ лачужкахъ, такъ какъ не было времени на постройку хатъ. Конечно, и въ крѣпостномъ быту было подраздѣленіе на богатыхъ, среднихъ и бѣдныхъ крестьянъ, но въ конецѣ-концовъ, при крѣпостномъ правѣ это имѣло мало значенія. Всѣ были равно безправны.

Въ голодные годы въ деревняхъ положеніе крестьянина было прямо-таки чудовищно. Желуди, древесная кора, болотная трава, солома— все идетъ въ пищу. Притомъ ему не на что купить соли. Онъ почти отравляется: являются страшныя болѣзни... У женщинъ про-

падаетъ молоко въ груди, а грудные младенцы мрутъ, какъ мухи. Среди крестьянъ сильно увеличивается нищета; по дорогамъ нищіе бродятъ цѣлыми шайками". По помѣщика картина безотраднаго житья крестьянъ вначалѣ мало трогала; нѣкоторые изъ нихъ считали имѣть богатыхъ крестьянъ дѣломъ для себя невыгоднымъ; нѣкоторые помѣщики даже нарочно разоряли крестьянъ. Къ переселенію помѣщики прибѣгали съ цѣлью избавиться отъ платежа государственныхъ повинностей; невыразимо грустно бывало семьѣ покидать насиженное мѣстечко и отправляться въ неизвѣстное будущее; при этомъ помѣщикъ часто не стѣснялся переселять на болотистую, песчаную и т. п. почву. Передъ раскрѣпощеніемъ крестьянъ торговля людьми была сильно ограничена законами, но, конечно, помѣщики умѣли обходить законы, и на ярмаркахъ рядомъ со скотомъ, различною утварью вывозился живой товаръ.

Чаще всего прибѣгали къ продажѣ крѣпостныхъ подъ видомъ отдачи въ услуженіе Иногда фабриканты подряжали у помѣщиковъ людей сотнями; тѣ ихъ отпускали въ

дорогу безъ теплой одежды и продовольствія. Въ случаѣ ихъ бѣгства съ дороги ихъ били и возвращали обратно. Прибывши въ новое мѣсто, несчастные томились тоской, умирали десятками, а убѣгали толпами.— Продажа крѣпостныхъ происходила и при наборѣ рекрутовъ; при этомъ несчастнымъ навязывали мысль, что они идутъ доброю охотою; послѣ угощеній возбужденный и отуманенный „охотникъ“ легко отвѣчалъ утвердительно на вопросъ чиновника, и ему забривали лобъ. А солдатская служба была въ то время очень тяжела: долгій срокъ, тягости обученія и безчеловѣчное обращеніе— вотъ что ждало неосторожнаго.— Тяжело было отбывать крестьянину барщину или всѣ свои силы отдавать на добываніе оброка,— но едва ли не тяжелѣе жилось дворовому люду; на немъ чувствительнѣе другихъ отражался позоръ крѣпостного состоянія. Дворня обыкновенно бывала особенно велика у богатыхъ помѣщиковъ или въ имѣньяхъ, гдѣ еще процвѣтало натуральное хозяйство: производили дома рѣшительно все, что только могли. Среди дворовыхъ нерѣдко были столяры, кузнецы, молотобойцы, портные, са-

пожники, кучера, пекари, кондитеры, слесаря, музыканты, актеры, повитухи и т. д.

Всѣ эти люди, приходя постоянно, въ близкое сношеніе съ помѣщиками, ежеминутно испытывали гнетъ своего положенія; трудъ ихъ цѣнился ни во что: достаточно вспомнить тѣ безконечныя вышивки, кружева и другія рукодѣлія, надъ которыми теряли зрѣніе дѣвушки въ дѣвичьей.

Надъ дворовыми сильнѣе всего и проявлялся помѣщичій произволъ. Дѣвушки являлись предметами помѣщичьяго разврата. Розги были дѣломъ очень привычнымъ. Издѣвательство господствовало на каждомъ шагу; личность человѣческая не цѣнилась ни во что. Вспомните ужасные разсказы о дикихъ развлеченіяхъ помѣщика, когда тотъ мазалъ дегтемъ или смолою всю дворню, засѣкалъ женщинъ въ торжественной обстановкѣ въ своемъ присутствіи, травилъ у себя на дворѣ людей волками и т. п. Всего болѣе безчеловѣчнымъ кажется это обращеніе съ крѣпостными тогда, когда дѣло касалось развитыхъ, интеллигентныхъ и талантливыхъ людей; а ихъ было не мало. Можно себѣ представить сколько горечи и озлобленія должно было скопиться

Отдыхъ барыни.

въ сердцахъ этихъ горемыкъ, которые и свою искру Божію должны были отдавать на посмѣшище и развлеченіе?!

Къ концу XVIII вѣка жизнь въ Россіи стала замѣтно измѣняться; появились нововведенія и улучшенія и въ сельскомъ хозяйствѣ, — стали помѣщики заводить машины, заниматься травосѣяніемъ, улучшать качество хлѣба, разнообразить породы скота; но на все это нуженъ былъ капиталъ, а его не было. Около 30-хъ годовъ XIX вѣка въ государственномъ банкѣ было заложено до 44.000 имѣній съ $^2/_3$ всего крѣпостного населенія; помѣщики должны были казнѣ до 44.500.000 рублей. — Крѣпостное право становилось иногда для помѣщика уже невыгоднымъ, такъ какъ крестьянъ нужно было прокормить; особенно это чувствовалось въ неурожайные годы. Помѣщики старались свести прокормъ людей на-нѣтъ: одинъ богатый помѣщикъ во время страшнаго голода отпускалъ на человѣка по пуду муки, при чемъ мука состояла изъ 30 фун. желудей и 10 фун. муки; другой пытался кормить людей глиной въ буквальномъ смыслѣ слова. Конечно, эти попытки вели за собою увели-

ченіе болѣзней и смертности среди крестьянъ. Увеличивались долги помѣщиковъ, ибо среди нихъ возрастала роскошь. Старая самодѣльная обстановка уже имъ не нравилась, завелись въ помѣщичьихъ домахъ выписныя издѣлія французскихъ и англійскихъ фабрикъ; полы начали застилать заграничными коврами, стѣны стали затягивать французской матеріей. Появились даже заграничные экипажи. Огромныхъ расходовъ требовала и кухня съ выписными поварами, заграничными винами и десертомъ.

Откуда было дворянству взять денегъ? Пришлось искать новыхъ источниковъ дохода,— съ конца XVIII вѣка стали основываться фабрики, въ 20-е годы XIX в. ихъ становится еще больше. Одинъ дворянинъ въ печати призываетъ общество: „Будьте воины, ополчайтесь, когда этого требуетъ нужда, но въ другое время занимайтесь хозяйствомъ, заводите фабрики, будьте купцами и сами отправляйте ваши произведенія, ваши издѣлія за моря и докажите, какимъ образомъ должно сдѣлать и самихъ себя и отечество свое богатымъ. Правительство сего отъ васъ требуетъ“. — Образовался новый типъ помѣщика-практика,

который дорожилъ не властью надъ крѣпостною душою, а возможностью пользоваться даровою силою крѣпостныхъ крестьянъ. Духъ предпринимательства сильно заразилъ дворянскія гнѣзда; однако вскорѣ хозяева увидѣли, что расчеты ихъ построены на пескѣ: никакое давленіе на даровую рабочую силу не могло выжать изъ крѣпостного труда такой производительности, какую даетъ трудъ вольнонаемный. Кромѣ того, рынокъ за неимѣніемъ хорошихъ путей сообщенія (первая желѣзная дорога прошла въ 1838 году) былъ очень ограниченъ, и предметы производства на первыхъ порахъ не находили себѣ сбыта. Что касается до хлѣбнаго рынка, то на немъ цѣны сильно колебались; тамъ царилъ хозяйственный хаосъ; туда направлялъ хлѣбъ и серьезный хозяинъ, и крестьянинъ, забитый нуждой, и помѣщикъ, которому внезапно понадобились деньги и который продавалъ хлѣбъ наспѣхъ и готовъ былъ его отдать „нипочемъ".

Отъ такой пестроты продавцовъ цѣны рѣзко колебались: въ 1843 году въ Петербургской губерніи средняя цѣна хлѣба 6 руб. 21 к. пудъ, а въ Курской—1 руб. 34 3/4 коп. Въ

первой половинѣ января 1845 г. цѣна на куль ржаной муки была въ Псковѣ 7 руб. 50 коп., въ Витебскѣ—5 руб. 40 коп., въ Петрозаводскѣ—5 руб., въ Ковно—4 руб. 90 коп., въ Симбирскѣ—1 руб. 35 коп., въ Воронежѣ — 1 руб. 20 коп., въ Пензѣ и Саратовѣ — 1 руб. 10 коп., въ Тамбовѣ и Харьковѣ—1 руб.

Къ 40-мъ годамъ фабричная дѣятельность русскихъ помѣщиковъ уменьшилась, такъ какъ даровой трудъ не оправдалъ надеждъ, на него возлагавшихся. И вотъ въ то время, какъ у нашихъ западныхъ сосѣдей фабричный дымъ клубился все сильнѣе и сильнѣе, въ Россіи фабрикъ было очень мало. За заграничные товары переплачивали. Промышленный застой задерживалъ, конечно, и торговлю. Жизнь дорожала и бѣдный людъ особенно это чувствовалъ. Дороговизна стала очень замѣтна съ тѣхъ поръ, какъ русскій хлѣбъ стали меньше сбывать за границу; тамъ начали предпочитать хлѣбъ американскій, какъ высшій по качеству. Плохіе результаты крѣпостного труда давали себя чувствовать: никакія строгія наказанія не могли заставить покорную массу крестьянъ нести прилежно

безнадежную работу. Все чаще и чаще помѣщики стали прибѣгать къ вольнонаемнымъ рабочимъ; въ концѣ-концовъ это оказывалось выгоднѣе. Такъ всюду крѣпостное право обнаруживало свою разрушающую силу.

Противъ крѣпостного права говорила жизнь, противъ него говорили и книги лучшихъ писателей конца XVIII и начала XIX вѣка. Уже въ XVIII вѣкѣ крестьянскій вопросъ обсуждался въ печати, и первое мѣсто между писателями той эпохи по своему вліянію занимаетъ Александръ Николаевичъ Радищевъ со своею книгою „Путешествіе изъ Петербурга въ Москву“. Въ этой книгѣ передъ читателемъ развертывается яркая картина крѣпостного быта; въ ней же ясно проведена мысль, что русскіе рабы должны стать свободными гражданами и освобожденный крестьянинъ долженъ стать собственникомъ той земли, которую онъ обрабатываетъ. Кромѣ Радищева, изъ писателей XVIII вѣка, писавшихъ по тому же вопросу, нужно упомянуть о Новиковѣ и Николаѣ Ивановичѣ Тургеневѣ. Вслѣдъ за ними нужно указать на цѣлый кружокъ лицъ, который близко принималъ къ сердцу интересы народа, что

и доказалъ своею жизнью, а многіе—и смертью. Люди эти назывались „декабристами“; они участвовали въ движеніи 14 декабря 1825 года и замышляли измѣнить въ Россіи образъ правленія. На первомъ планѣ у декабристовъ послѣ перемѣны образа правленія стоялъ планъ освобожденія крестьянъ отъ крѣпостного права. Большинство декабристовъ (Пестель, Бестужевъ-Рюминъ, Рылѣевъ, Якушкинъ и др.) происходили изъ богатой военной молодежи; для себя лично они ничего не добивались; ихъ воодушевляла высокая идея служенія родинѣ. Вліяніе декабристовъ на общество было велико какъ тогда, такъ и впослѣдствіи, когда ихъ уже не было въ живыхъ; ихъ идеи переходили отъ поколѣнія къ поколѣнію. Близкою по идеямъ къ декабристамъ была группа лицъ, извѣстныхъ подъ именемъ „Западниковъ“. Къ ихъ числу принадлежали В. Г. Бѣлинскій, Т. Н. Грановскій, А. И. Герценъ и др. Доказывая необходимость для Россіи усвоенія правилъ европейской культуры, „западники“ указывали на необходимость отмѣны крѣпостного права, какъ условіе, безъ котораго культурное сближеніе Россіи и Европы невозможно. И „славянофилы“

Привозъ крѣпостными запасовъ изъ деревни. (Съ карт. *Зайцева*).

хотя и отстаивали самобытность основы русской жизни и предостерегали противъ усвоенія страной основъ европейской культуры, тоже, какъ увидимъ ниже, были противъ крѣпостного права. Непосредственно къ „западникамъ“ примыкаетъ освободительный кружокъ „петрашевцевъ“ [1]), которые жили въ 40-е года XIX в. „Тутъ собирался народъ молодой, образованный, читающій, мыслящій; впечатлѣнія принимались живо; всякая несправедливость, злоупотребленія, стѣсненія, самоуправство глубоко возмущали душу каждаго; напротивъ, всякое стремленіе къ благу общественному или частному вызывало сочувствіе, въ какой бы формѣ стремленіе это ни высказывалось... Собиралось ихъ по нѣскольку человѣкъ, напримѣръ, по пятницамъ у Петрашевскаго, и какъ люди одинаковаго направленія свободно размѣнивались идеями, новостями, доходившими до каждаго въ литературѣ, политикѣ, происшествіяхъ столичныхъ и провинціальныхъ; съ какимъ интересомъ слѣдили за происшествіями на Западѣ!“

---

[1]) Отъ фамиліи основателя Петрашевскаго.

Конечно, ужасы крѣпостного права и народная нужда находили самый живой откликъ въ сердцахъ „петрашевцевъ“. „И теперь еще,—говоритъ одинъ изъ нихъ въ своихъ запискахъ, — пробѣгаетъ холодный трепетъ по жиламъ при воспоминаніи о видѣнномъ мною кусочкѣ хлѣба, которымъ питаются крестьяне Витебской губерніи; мука вовсе не вошла въ его составъ: онъ состоитъ изъ мякины, соломы и еще какой-то травы, не тяжелѣе пуху, а видомъ похожъ на высушенный конскій навозъ, сильно перемѣшанный съ соломою“.

Освободительный характеръ носитъ и вся писательская дѣятельность Александра Ивановича Герцена. Убѣгая украдкой изъ темныхъ унылыхъ барскихъ комнатъ къ дворовымъ мальчикамъ или въ переднюю и дѣвичью— къ дворовымъ людямъ, А. И. Герценъ рано узналъ тайны дворовыхъ людей, рано почувствовалъ, что и въ груди рабовъ бьется все то же человѣческое сердце; ужасъ ихъ безправнаго существованія глубоко запалъ въ его чуткую душу. „Бывало,—писалъ онъ въ своихъ воспоминаніяхъ,—когда я былъ еще ребенкомъ. Вѣра Артамоновна (няня), желая

меня сильно обидѣть, говорила мнѣ: „дайте срокъ, вырастите, такой же баринъ будете, какъ и другіе“; меня это ужасно оскорбляло“. Талантливый писатель и въ повѣстяхъ и въ серьезныхъ статьяхъ остался вѣрнымъ дѣтскимъ обѣтамъ и всю жизнь клеймилъ позоръ рабства. Передъ освобожденіемъ крестьянъ его журналъ „Колоколъ“, издававшійся за границей, гудѣлъ призывомъ къ освобожденію. Глубокою любовью къ угнетенному народу проникнуты всѣ стихи Николая Алексѣевича Некрасова; онъ ненавидѣлъ самъ помѣщичій произволъ, среди котораго ему пришлось вырасти; въ своихъ прекрасныхъ произведеніяхъ онъ звалъ и другихъ ненавидѣть тотъ строй, „гдѣ рой подавленныхъ и трепетныхъ рабовъ завидовалъ житью послѣднихъ барскихъ псовъ“. Почти во всѣ уголки печальной жизни мужика сумѣлъ заглянуть Некрасовъ, и въ его стихахъ отражается „горя рѣченька бездонная“, протекающая по всей крѣпостной Россіи.

Съ крестьянскимъ бытомъ и деревенскою жизнью знакомилъ въ 40-хъ годахъ также и писатель Григоровичъ (напримѣръ, въ повѣстяхъ „Деревня“, „Антонъ-горемыка“ и т. д.),

первый изъ крупныхъ беллетристовъ-художниковъ затронувшій крестьянскій бытъ, и др.

Почти каждому грамотному человѣку извѣстно имя Ивана Сергѣевича Тургенева, который написалъ знаменитыя „Записки охотника“. Эти живые яркіе очерки разсказывали русскому обществу о деревнѣ, о простомъ народѣ; въ нихъ крѣпостные чувствуютъ, страдаютъ, любятъ, ненавидятъ такъ же, а иногда и глубже, чѣмъ иной баринъ; на ряду съ крестьянами выведены помѣщики, которые кутятъ, ведутъ разгульную жизнь и не умѣютъ трудиться. Сравненіе между тѣми и другими ярко доказываетъ всѣ несообразности крѣпостного права.

Всѣ эти писатели своими книгами будили въ лучшихъ и передовыхъ людяхъ стремленіе освободить родину отъ оковъ рабства. Подъ ихъ вліяніемъ появлялись такія личности, каковъ былъ, напримѣръ, графъ П. Д. Киселевъ, который въ качествѣ министра государственныхъ имуществъ провелъ реформу, улучшившую положеніе казенныхъ крестьянъ въ царствованіе Николая I и всю свою жизнь хлопоталъ объ освобожденіи крестьянъ. Къ 50-мъ годамъ XIX вѣка многіе выдающіеся

представители русскаго общества, всѣ лучшіе люди были охвачены подобными стремленіями.

При вступленіи императора Александра II на престолъ прошли слухи, что новый государь не сочувствовалъ дѣлу освобожденія. Такъ, напримѣръ, разсказывали, какъ онъ, будучи наслѣдникомъ, отказался однажды передать отцу проектъ о мѣрахъ подготовленія къ освобожденію.

Общество пріуныло и выжидало.

Тяжелый былъ моментъ для Россіи; до крестьянской массы слухи обо всемъ часто достигали въ превратномъ видѣ; немудрено, что народъ волновался,—причинъ для этого было и такъ достаточно. Тамъ и сямъ вспыхивали бунты, которыхъ и до этого времени было не мало. Въ 1854 г. и 1855 г. указы о народномъ ополченіи всполошили сильно крестьянство. Въ изстрадавшихся душахъ вспыхнула мечта о близкомъ дарованіи „золотой воли“, — будто бы для этого стоитъ только записаться въ ополченіе. И вотъ взрывъ чувства любви къ родинѣ смѣшался съ грезами о волѣ и броженіе изъ глухого стало явнымъ. Въ одномъ году было захвачено движеніемъ 10 губерній, въ другомъ—7.

Огромныя массы крестьянъ двинулись записываться. Власти сразу перестали что-либо значить въ глазахъ народа, зато своихъ выборныхъ вожаковъ всѣ слушались безпрекословно. Вотъ какія требованія получили власти, напримѣръ, отъ крестьянъ въ Кіевской губерніи: „Рѣшайтесь написать насъ всѣхъ вольными казаками, дать намъ присяги, что мы уже не панскіе, что луга и поля наши и все, что есть у пановъ, наше же. Оно и есть такъ, ибо мы и наши предки за все это отработали“.

Напрасно священники старались ихъ обуздать, чтобы не допустить появленія военной силы: „Батюшка, — шепчетъ одинъ крестьянинъ на ухо священнику: — мы и сами добре знаемъ, що такого указа нема. Колы жъ намъ хочется, щобъ винъ бувъ“.

Крестьянскихъ ходоковъ съ записями пороли, но волненія не утихали. Въ Москву собралось желающихъ записаться до 1371 человѣка; при этомъ рязанцы пришли, вооруженные дубинами и желѣзными пиками. Дѣло кончилось все-таки появленіемъ штыковъ; не обошлось, конечно, безъ кнута; съ трудомъ

А. Н. Радищевъ.

Н. И. Тургеневъ.

И. Д. Якушкинъ.

П. И. Пестель.

порядокъ былъ водворенъ. Крестьянскіе бунты были послѣдней каплей, рѣшающей участь закрѣпощенной Россіи. 30 августа 1856 г. императоръ Александръ II въ рѣчи къ московскому дворянству просто и прямо заявилъ: „Лучше отмѣнить крѣпостное право сверху, чѣмъ дожидаться того времени, когда оно само начнетъ отмѣняться снизу. Прошу васъ, господа, подумать о томъ, какъ бы привести это въ исполненіе“.

Глубокій вздохъ облегченія вырвался изъ груди всѣхъ любящихъ Россію, всѣ поняли: „Родина спасена!“ Улеглись крестьянскія волненія, притаился народъ и тихо сталъ ждать. Торжественно и трогательно было это крестьянское молчаніе: оно объясняется довѣріемъ къ монарху, тѣмъ довѣріемъ, которое пробиваетъ стѣну чиновничьяго произвола и минуетъ всякихъ посредниковъ въ орденахъ и лентахъ, желая стать лицомъ къ лицу съ царемъ и слышать его собственныя слова...

Но молчали въ первыя минуты не только крестьяне, но и дворяне... А вѣдь ихъ-то государь звалъ заговорить, на нихъ надѣялся въ трудномъ дѣлѣ освобожденія. Въ этомъ

молчаніи чувствовалась вражда и раздраженіе: „Дворяне сознаютъ про себя непрочность своихъ правъ и опасаются одинаково народной расправы и внезапнаго, неподготовленнаго распоряженія правительства“, такъ говоритъ про дворянъ одинъ изъ видныхъ дѣятелей по крестьянскому дѣлу Ю. Ѳ. Самаринъ.

Не дождавшись со стороны дворянъ чего-нибудь рѣшительнаго, Александръ II начинаетъ работу освобожденія съ немногими близкими людьми въ тиши кабинета.

Еще при предшественникахъ Александра II были сдѣланы съ высоты престола попытки облегчить положеніе крестьянъ.

Императоръ Александръ I говорилъ по поводу крѣпостного права: „Я далъ обѣтъ не увеличивать числа этихъ несчастныхъ и принялъ за правило никому не давать въ собственность крестьянъ“. Въ 1801 году онъ разрѣшилъ всѣмъ сословіямъ (значитъ, и крестьянамъ) пріобрѣтать землю въ собственность. Подъ вліяніемъ графа П. Д. Киселева въ 1813 году Александръ I издаетъ „законъ вольныхъ хлѣбопашцевъ“; по этому закону разрѣшалось отпускать крестьянъ на волю,

при чемъ въ каждомъ случаѣ относительно земли составлялся отдѣльный договоръ. Но время показало, что отпускать крестьянъ съ землею было мало охотниковъ; отпущенные же безъ земли представляли бездомныхъ бобылей. Тотъ же графъ Киселевъ неоднократно указываетъ императору Николаю I на жалкое безотрадное положеніе обезземеленныхъ крестьянъ. Въ дополненіе къ „закону о вольныхъ хлѣбопашцахъ“ Николай I издалъ „законъ объ обязанныхъ крестьянахъ“; этотъ законъ не позволялъ освобождать безъ земли, за землю же крестьяне по договору отрабатывали натурою или деньгами. Сознавъ, что „крѣпостное право есть зло“, Николай I сталъ подготовлять постепенный переходъ къ другому порядку вещей. При немъ, какъ уже упоминалось, стараніями графа Киселева казенные крестьяне получили земельное устройство.

Въ 1841 году Николай I запретилъ продавать крестьянъ въ розницу. Въ это же царствованіе министръ государственныхъ имуществъ получилъ право покупать дворянскія имѣнія съ аукціона, при чемъ крестьянамъ дозволялось выкупаться на волю. Таковы

были немногіе результаты 9 секретныхъ комитетовъ, которые одинъ за другимъ открывались при Николаѣ I. Очевидно, жизнь еще плохо проникала въ душныя канцеляріи. Въ общественной жизни, какъ и въ природѣ, нужны бываютъ освѣжающія грозы, и такой грозой для Россіи явилась Крымская война; она обнаружила передъ обществомъ всѣ язвы государства... Перемѣна, реформа, назрѣвала сама собою.

По стопамъ отца Александръ II установилъ было „негласный" комитетъ, но онъ въ такомъ видѣ просуществовалъ недолго; уже открыто и съ разрѣшенія государя надъ освобожденіемъ работали свѣжіе, дѣятельные, смѣлые люди, и занятія комитета поневолѣ перестали быть кабинетными, тайными; ихъ вынесли на судъ общественный, и только тогда работа попала на правильный путь. Люди, сплоченные мечтою о дарованіи крестьянамъ воли и преданные дѣлу, имѣли вліяніе на государя, своими рѣчами разжигали искру его желанія въ большое пламя. Вздохи и упреки заядлыхъ крѣпостниковъ не могли больше тронуть его сердца; такъ или иначе для дворянъ наступилъ чередъ дѣйствовать,—госу-

дарь желалъ, чтобы почипъ исходилъ отъ нихъ. Сильный толчокъ всему дѣлу былъ данъ адресомъ (обращеніемъ) литовскаго [1]) дворянства; оно испрашивало у государя разрѣшенія отпустить крестьянъ безъ земли.

Въ комитетѣ стали усердно обсуждать, какой дать отвѣтъ: много спорили и, наконецъ, составили такъ называемый рескриптъ, иначе сказать, заявленіе. Въ немъ, обращаясь къ генералъ-губернатору Назимову, государь повелѣваетъ, чтобы въ 3 западныхъ губерніяхъ: Ковенской, Виленской и Гродненской, были учреждены комитеты, а для всѣхъ 3 губерній вмѣстѣ — общая комиссія въ г. Вильнѣ. Членами этихъ собраній, были люди, какъ назначенные отъ правительства, такъ и выборные отъ дворянства. Въ своихъ собраніяхъ имъ было дозволено обсуждать мѣры улучшенія крестьянскаго быта; при этомъ члены комитетовъ должны были помнить, что помѣщики остаются собственниками земли, крестьянамъ же предоставляется ихъ усадебная осѣдлость на договорныхъ условіяхъ: кромѣ того, рескриптъ предлагалъ для внутренняго управленія дѣлить крестьянъ на

[1]) Отъ губ. Ковенской, Гродненской и Виленской.

сельскія общества, власть же, вотчинную полицію оставить за помѣщиками. Рескриптъ предусмотрительно оговариваетъ, что при новомъ устройствѣ крестьянъ слѣдуетъ прочно обезпечить уплату государственныхъ и земскихъ податей. Объявленіе рескрипта Назимову состоялось 20 ноября 1857 г. А на слѣдующій день этотъ рескриптъ былъ, разосланъ всѣмъ губернскимъ предводителямъ для соображеній. На этомъ настаивалъ особенно Н. А. Милютинъ, о которомъ рѣчь впереди. Воля государя была ясно выражена; дворяне поняли, что этотъ новый призывъ нельзя было замалчивать. И вотъ сначала Петербургская, потомъ Нижегородская, Московская и такъ губернія за губерніей, открываютъ съ разрѣшенія государя комитеты.

Такъ было призвано русское населеніе къ обсужденію величайшей задачи времени.

Появленіе рескрипта отъ 20 ноября заставило дворянъ поморщиться, но были люди и другого сорта.

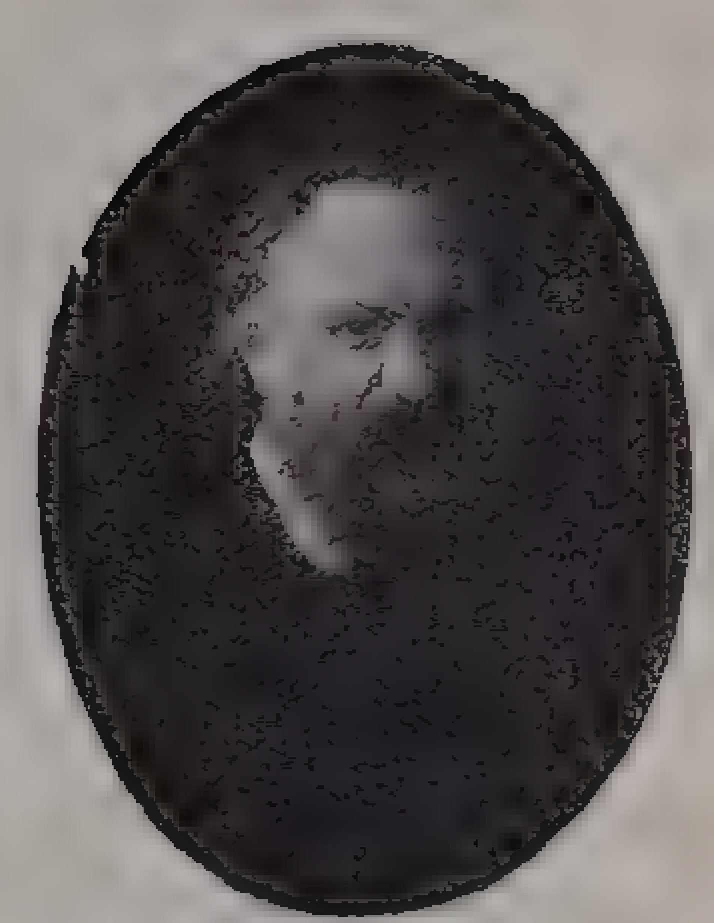
28 декабря 1857 года, въ Москвѣ, въ залахъ купеческаго собранія, собралось до 180 человѣкъ ученыхъ, литераторовъ, про-

фессоровъ и т. д. Былъ устроенъ въ честь событія обѣдъ, на которомъ шли горячіе разговоры, произносились одушевленныя рѣчи; пили за здоровье государя, многіе плакали отъ радости... Профессоръ Петербургскаго университета К. Д. Кавелинъ въ своей рѣчи сказалъ, между прочимъ: „Будемъ надѣяться, что дворянство окажется способнымъ обсудить дѣло со стороны не только частной выгоды, но и всенародной пользы: у кого право и власть, тотъ отвѣчаетъ за свои дѣйствія передъ Богомъ, отечествомъ и исторіей“. Хорошо и тепло, говорилъ купецъ Кокоревъ: „Для пятнадцати милліоновъ [1]) людей восходитъ заря гражданской полноправности... Будемъ откровенны и искренны въ такіе великіе дни отечественныхъ событій и скажемъ правду. Вѣдь всѣ наши капиталы сложились главнымъ образомъ отъ крестьянъ... Какой прекрасный случай возблагодарить крестьянъ за богатства, ими же сообщенныя!“ Такъ высказывались лучшіе люди Россіи; рѣчи западали въ душу другихъ чуткихъ людей. Ожили газеты, литера-

[1]) Вѣрнѣе для 22 милліоновъ.

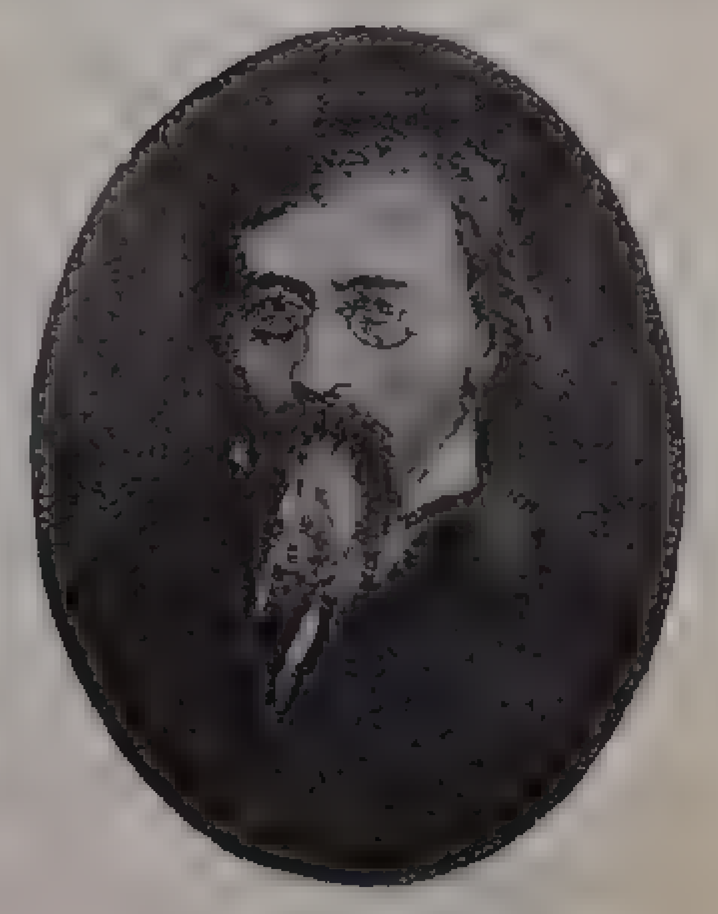
В. Г. Бѣлинскій.

А. И. Герценъ.

М. В. Петращевскій.

Н. Г. Чернышевскій.

тура. По всѣмъ уголкамъ Россіи обсуждались тѣ же вопросы, что поднимались и въ офиціальныхъ губернскихъ комитетахъ, а ими, какъ сѣтью, покрылась вся Россія. Но, какъ мы уже знаемъ, самая многочисленная группа русскаго общества, крестьянская масса, молчала и пребывала въ темнотѣ и невѣжествѣ. Новыя мысли о жизни по новому руслу разрабатывались наверху, сознательною частью русскаго общества, ея писателями, литераторами, учеными и различными интеллигентными дѣятелями. Образовались кружки; люди, согласные въ томъ, что народъ долженъ быть свободенъ, расходились во взглядахъ на то, какъ надо устроиться народу на новыхъ основаніяхъ, что нужно дать крестьянину для того, чтобы бытъ его былъ упроченъ. Группа дворянства и представителей крупной городской промышленности пришла ко взглядамъ, ярко-выраженнымъ профессоромъ Кавелинымъ въ его сочиненіяхъ и въ особенности въ его запискѣ, которая въ тѣ годы ходила по рукамъ. Въ этой запискѣ Кавелинъ дѣлитъ крѣпостныхъ крестьянъ на государственныхъ и помѣщичьихъ, предлагаетъ окончательное освобожденіе и устройство

первыхъ, а затѣмъ разсматриваетъ возможные проекты уничтоженія крѣпостныхъ отношеній для помѣщичьихъ крестьянъ; онъ признаетъ, что крестьянъ необходимо освободить со всѣмъ земельнымъ надѣломъ, а помѣщикамъ выдать справедливое вознагражденіе за землю и за утрату права пользоваться даровымъ трудомъ. Къ этой либеральной группѣ примыкали: Ю. О. Самаринъ, кн. В. А. Черкасскій, А. И. Кошелевъ и др.

Интересны и своеобразны были взгляды такъ называемыхъ славянофиловъ, которые превозносили старину, старинный укладъ жизни и отстаивали общину. Съ одной стороны, они требовали освобожденія крестьянъ, а съ другой—искренно преклонялись передъ самодержавіемъ [1]) и православіемъ; вмѣстѣ съ тѣмъ они горячо требовали свободы слова и самоуправленія (Аксаковъ и др.).

Горячимъ поборникомъ общины и русской артели былъ Николай Гавриловичъ Чернышевскій. На страницахъ „Современника" онъ ратовалъ за развитіе этихъ формъ

[1]) Ихъ политическимъ идеаломъ была совѣщательная „Земская Дума".

хозяйства, изъ которыхъ въ отдаленномъ будущемъ, по его мнѣнію, должно было вырасти обновленное государство.

Герценъ, который еще раньше былъ высланъ за границу за свои вольнолюбивыя мечты, склоняется передъ личностью Александра II и восклицаетъ въ одной своей статьѣ: „Ты побѣдилъ, Галилеянинъ!“. „Колоколъ“ предлагаетъ въ это время на своихъ страницахъ освободить крестьянъ съ землею, отмѣнить предварительную цензуру, отмѣнить III отдѣленіе (тайное слѣдствіе), отмѣнить тѣлесное наказаніе и т. д.

Конечно, передовыя стремленія русскаго общества встрѣчены были очень враждебно заядлыми крѣпостниками, реакціонерами, которые въ крѣпостномъ правѣ видѣли нѣчто священное, одинъ изъ устоевъ государства. „дворянство судорожно цѣпляется за обветшалыя права и привилегіи и защищаетъ ихъ вкривь и вкось наперекоръ очевидности и справедливости“.

Кромѣ вышеизложенныхъ взглядовъ, ярко выраженныхъ различными писателями, происходилъ живой обмѣнъ мыслями по крестьянскому дѣлу и по всей Россіи.

Люди почувствовали больше потребность пополнять свои знанія, въ особенности многихъ стали интересовать экономическія знанія, т.-е. различныя отрасли народнаго хозяйства. Журналы получили возможность писать обо всемъ свободнѣе, и на ихъ страницахъ писатели страстно отстаивали свои взгляды на крестьянское дѣло. Не только въ столицахъ, но и „въ самыхъ глухихъ городахъ, гдѣ до сихъ поръ всѣ насущные интересы состояли въ картахъ, водкѣ, взяткахъ и сплетняхъ, являются публичныя библіотеки, журналы и газеты“.

Въ свѣтскихъ гостиныхъ не слышно прежней пустой болтовни, рѣже устраиваются танцы; всѣхъ занимаетъ вопросъ о крестьянской реформѣ, раздаются всюду толки о надѣлѣ и выкупѣ.

Особенно серьезно и усердно этими вопросами занимались въ салонѣ великой княгини Елены Павловны [1]). Свѣтлая личность этой замѣчательной женщины много помогла дѣлу освобожденія; умная отъ природы и хорошо образованная, она сумѣла вокругъ себя объ-

---

1) Жена дяди Александра II, В. К. Михаила Павловича.

единить подходящихъ людей; она же подходящими вопросами, иногда одобреніями умѣла двигать людей на дѣло. Несмотря на разностороннія занятія по благотворительности, она находила возможность удѣлять много времени и работѣ по освобожденію крестьянъ. При Николаѣ I она часто бесѣдовала съ безкорыстнымъ дѣятелемъ по крестьянскому дѣлу графомъ Киселевымъ; жаръ и убѣдительность его рѣчей глубоко запали въ ея душу, и она до конца жизни осталась вѣрной его завѣтамъ. При Александрѣ II она выступаетъ и на практическій путь и сама показываетъ помѣщикамъ примѣръ освобожденія крестьянъ. Въ Полтавской губерніи въ своемъ обширномъ помѣстьѣ Карловкѣ она не только отпускаетъ крестьянъ на волю, но и предоставляетъ имъ на выкупъ такую часть земли, которая обезпечила бы ихъ существованіе. Въ этомъ дѣлѣ ей пришлось познакомиться впервые съ самымъ выдающимся дѣятелемъ по крестьянской реформѣ Николаемъ Алексѣевичемъ Милютинымъ, къ которому она обратилась за совѣтомъ. Милютинъ происходилъ изъ небогатой дворянской семьи и отъ своей матери еще

юношей выучился смотрѣть по-человѣчески на крѣпостныхъ.

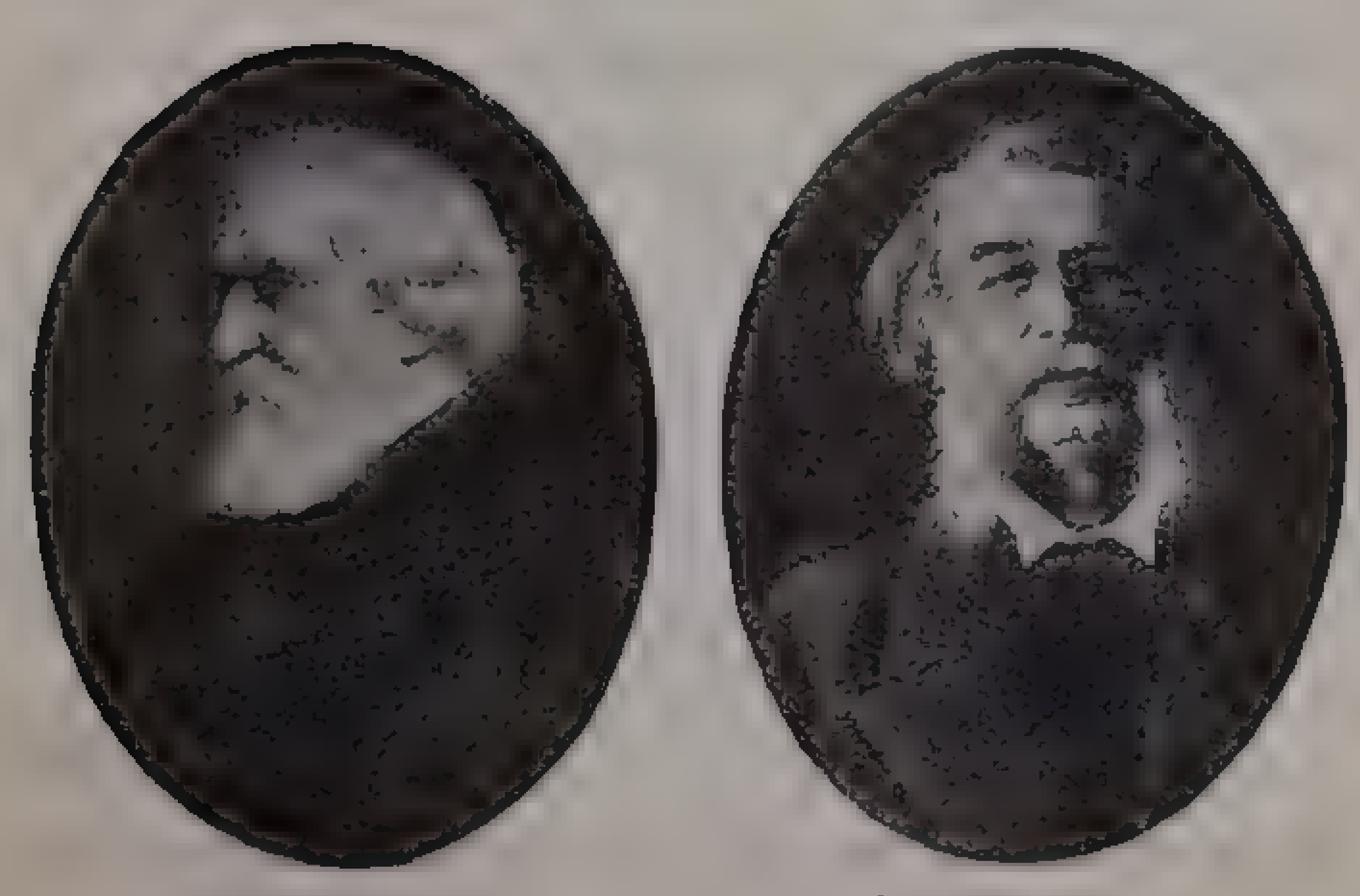
Съ семнадцати лѣтъ Н. А. попалъ на службу въ Министерство Внутреннихъ Дѣлъ; даровитый юноша обратилъ на себя вниманіе талантливыми докладами и не пропалъ въ душной канцеляріи среди вороха бумагъ. Онъ постоянно на виду, ему постоянно даютъ отвѣтственныя дѣла. Еще въ Николаевскую эпоху Н. А. Милютинъ имѣлъ возможность близко познакомиться съ крестьянскимъ вопросомъ; и въ „секретныхъ комитетахъ" и воочію онъ изучалъ крестьянскій бытъ во время служебной поѣздки по югу Россіи. При Александрѣ II министромъ внутреннихъ дѣлъ былъ назначенъ С. С. Ланской, убѣжденный сторонникъ раскрѣпощенія крестьянъ. Онъ сумѣлъ выдвинуть впередъ Н. А. Милютина, и его значеніе въ дѣлѣ крестьянской реформы все поднималось. Вотъ къ нему-то и обратилась Елена Павловна относительно своихъ карловскихъ мужиковъ. Они совмѣстно разработали планъ освобожденія крестьянъ во всей Полтавской губерніи для тѣхъ помѣщиковъ, которые этого пожелаютъ. Послѣднимъ было предложено собираться для

обсужденія вопросовъ въ Карловкѣ. Разсмотрѣнный совмѣстно планъ былъ препровожденъ и государю.

Такъ, эти двѣ личности, Елена Павловна и Николай Алексѣевичъ Милютинъ, положили дѣйствительное основаніе великому дѣлу раскрѣпощенія; одна вкладывала въ дѣло весь энтузіазмъ своей вѣчно-молодой души, другой отдалъ сюда много силы своего яснаго, пытливаго ума. Благодарные потомки должны навсегда связать ихъ имена съ великимъ моментомъ освобожденія. Въ пятьдесятъ лѣтъ Елена Павловна казалась еще совсѣмъ молодой женщиной; ея душа отражалась на ея внѣшности, и отъ нея вѣяло тепломъ и добротой. Ея живой умъ не успокоился на одномъ дѣлѣ; она неоднократно бесѣдуетъ по поводу крестьянъ съ государемъ и, наконецъ, ѣдетъ изучать крестьянскій вопросъ за границу. Впослѣдствіи открыто и смѣло она разоблачаетъ передъ государемъ навѣты злыхъ людей, которые хотѣли очернить Милютина въ глазахъ государя и изъ друга родины превратить во вреднаго для дѣла человѣка. Благодаря великой княгинѣ, крѣпостническія козни противъ Милютина были

Н. А. Некрасовъ.

И. С. Тургеневъ. Д. С. Григоровичъ.

разбиты и Милютинъ не былъ выброшенъ за бортъ въ такой моментъ, когда въ дѣятельности его больше всего нуждалась Россія. Въ гостиной Елены Павловны встрѣчаемъ мы и другого виднаго дѣятеля по крестьянскому дѣлу Юрія Самарина.

Въ особенности горячо отвергали въ бесѣдахъ у Елены Павловны необходимость сохранить за помѣщиками сильную власть надъ крестьянами. Лучшіе люди доказывали, что мысль эта можетъ погубить дѣло освобожденія. Такъ высказывались люди лучшіе, но посмотримъ же теперь, какъ шла работа у тѣхъ, кто окончательно вершилъ дѣла освобожденія. Съ самаго начала царствованія Александръ II повелѣлъ министру внутреннихъ дѣлъ Ланскому собрать всѣ дѣла по устройству помѣщичьихъ крестьянъ въ одномъ этомъ министерствѣ; помощникъ же Ланского, Левшинъ, составилъ для государя записку о томъ, что было сдѣлано раньше для ограниченія крѣпостного права. Къ этому времени какъ разъ относится случай, который показываетъ, какъ народъ былъ увѣренъ въ близкомъ объявленіи воли и какъ онъ ждалъ его; былъ вы-

пущенъ указъ изъ Сената о порядкѣ совершенія записей на увольненіе помѣщиками крестьянъ въ званіе государственныхъ, водворенныхъ на собственныхъ земляхъ. Кто-то распустилъ слухъ, что это-то и есть указъ о дарованіи воли; въ сенатскую лавку бросились толпы народа, цѣлое утро они толпились на Сенатской площади, пока, наконецъ, не вмѣшалась полиція.

Указъ покупали,—цѣна его поднялась до 3 рублей,—и отсылали его въ деревни. Законникъ и крѣпостникъ графъ Панинъ, министръ юстиціи, такъ взволновался происходящими непорядками, что уволилъ завѣдующаго сенатской типографіей и впредь запретилъ продавать сенатскія бумаги безъ особаго разрѣшенія! Но никакія распоряженія крѣпостниковъ не могли повернуть дѣло вспять.

Вялая на первыхъ порахъ, работа секретнаго комитета оживилась съ появленіемъ въ рядахъ ея членовъ великаго князя Константина Николаевича; про него Александръ II выражался такъ: „первый мой помощникъ въ крестьянскомъ дѣлѣ“. До сей поры Константинъ Николаевичъ заявилъ себя по преобра-

зованію морского дѣла; въ немъ онъ научился многому и позналъ горькую истину про Россію: „Мы не можемъ долѣе себя обманывать и должны сказать, что мы и слабѣе и бѣднѣе первостепенныхъ державъ и притомъ не только матеріальными способами, но и силами умственными, особенно въ дѣлѣ администраціи". Такъ писалъ онъ. Его вѣское слово въ комитетѣ часто играло важную роль: онъ умѣлъ сокращать аппетиты крѣпостниковъ, примирялъ несогласныхъ, мнѣніе же его самого всегда было на сторонѣ передовыхъ людей.—На первыхъ порахъ комитетъ предполагалъ раздѣлить работу на 3 срока: въ первый собрать всѣ данныя для дѣла и издать указъ о дозволеніи дворянамъ отпускать крестьянъ на волю цѣлыми селеніями на новыхъ условіяхъ; второй срокъ долженъ былъ быть не менѣе десяти лѣтъ, въ продолженіе его думали составить проектъ положенія о крестьянахъ, а это десятилѣтіе считать переходнымъ временемъ; въ это переходное время предполагали дать крестьянамъ право выкупа усадьбы, т.-е. огорода, конопляника и выгона въ полную личную собствен-

ность; часть пахотной земли думали оставить во временное пользованіе, по окончаніи же переходнаго времени вся пахотная земля остается въ рукахъ помѣщиковъ, съ которыми крестьяне могуть заключить добровольныя условія. Въ третьемъ промежуткѣ работа комитета должна установить окончательное устройство крестьянъ. — Словомъ, такъ или иначе, а комитетъ оттягивалъ полное освобожденіе крестьянъ, а пока хотѣлъ удовольствоваться нѣкоторымъ смягченіемъ крѣпостного состоянія.

Однако рескриптъ на имя Назимова повернулъ дѣло иначе. Секретный комитетъ вскорѣ былъ переименованъ въ „Главный Комитетъ по крестьянскому дѣлу"; при Министерствѣ Внутреннихъ Дѣлъ былъ учрежденъ земскій отдѣлъ подъ председательствомъ товарища министра внутреннихъ дѣлъ Левшина съ участіемъ Я. А. Соловьева, Н. А. Милютина и др. знатоковъ по землеустройству; сюда-то сначала поступали всѣ проекты губернскихъ комитетовъ. При Главномъ же Комитетѣ была тоже образована комиссія для предварительнаго разсмотрѣнія проектовъ губернскихъ комитетовъ. Сюда членами во-

шли генералъ-адъютантъ Я. И. Ростовцевъ, С. М. Жуковскій и др. Изъ этой-то комиссіи развились по мѣрѣ хода дѣла такъ называемыя „редакціонныя комиссіи", т.-е. комиссіи для разбора (редакціи) проектовъ. „Редакціонныя" комиссіи, главнымъ образомъ, и вынесли на плечахъ всю работу по освобожденію крестьянъ.

Въ то время, какъ земскій отдѣлъ и впослѣдствіи большинство редакціонныхъ комиссій примыкали къ мнѣніямъ лучшихъ и знающихъ людей, Главный Комитетъ долго еще упорствовалъ въ защитѣ крѣпостническихъ взглядовъ.

Въ 1858 г. лѣтомъ Александръ II путешествовалъ по Россіи, и печальная картина русской обывательской жизни укрѣпила государя въ его рѣшеніи покончить съ крѣпостнымъ правомъ. Вернувшись изъ этой поѣздки, государь пользовался всякимъ случаемъ, чтобы говорить съ дворянами, снова и снова звать ихъ къ добровольному исполненію исторической необходимости. „Я оставляю васъ въ полной увѣренности, что вы оправдаете мои ожиданія и мое къ вамъ довѣріе—убѣжденъ, что вы мнѣ будете содѣйствовать, но не пре-

пятствовать“, такъ говорилъ онъ тверскимъ дворянамъ. На ярмаркѣ, въ Нижнемъ-Новгородѣ онъ говоритъ: „Я слышу, съ сожалѣніемъ, что между вами возникли личности, а личности всякое дѣло портятъ; это жаль; устраните ихъ; я надѣюсь на васъ; я надѣюсь, что ихъ болѣе не будетъ, и тогда общее дѣло это пойдетъ“. Въ Москвѣ онъ высказываетъ свое недовольство: „Я, признаюсь, ожидалъ, что московское дворянство отзовется первое... Помните, что на Московскую губернію смотритъ вся Россія...“ Въ этой же рѣчи государь объяснилъ, что подъ усадебною осѣдлостью онъ понимаетъ не одно строеніе, но и всю усадебную землю.

Среди участниковъ комитета выше мы упоминали имя генералъ-адъютанта Ростовцева; этому-то человѣку суждено было стать первымъ предсѣдателемъ редакціонныхъ комиссій. Когда государь сталъ его выдвигать, онъ попробовалъ было уклониться, -онъ считалъ себя для этой отвѣтственной задачи человѣкомъ неподготовленнымъ. Однако государь настойчиво поручалъ ему дѣло освобожденія; Ростовцевъ покорился. Добродушный, мягкосердечный, настоящая фигура русскаго ба-

рина,—онъ сумѣлъ быть твердымъ въ дѣлѣ. Въ началѣ своей дѣятельности Ростовцевъ имѣлъ довольно расплывчатый взглядъ на свою задачу: „крестьянину возвратить его человѣческія права, обезпечить ему, до окончательнаго рѣшенія вопроса, вѣрный кровъ и вѣрный хлѣбъ и дать ему всѣ пособія сдѣлаться полезнымъ собственникомъ; помѣщику охранить неприкосновенность права по собственности; государству упрочить спокойное разрѣшеніе этого желаннаго для него вопроса—вотъ въ чемъ моя программа". Таковы были первоначальныя намѣренія Ростовцева. Кромѣ того, онъ въ то время считалъ, что помѣщикъ является для крестьянина и при новомъ укладѣ жизни какъ бы отцомъ, который сохраняетъ власть надъ бывшими крѣпостными.—Однако дѣло оказалось не такъ просто; когда поднялись въ комиссіяхъ споры о томъ, освобождать крестьянъ съ землею или безъ земли, Ростовцевъ почувствовалъ, что ему не достаетъ образованія для окончательнаго утвержденія своихъ взглядовъ. Лѣтомъ 1858 г. онъ побывалъ за границей, тамъ много занимался и написалъ оттуда государю четыре письма; всѣ они проникнуты предан-

Императоръ Александръ II.

ностью дѣлу; по нимъ замѣтно, что взгляды Ростовцева выросли и утвердились.

Письма Ростовцева сильно повліяли на государя: въ 1858 г. въ октябрѣ и въ ноябрѣ состоялись засѣданія Главнаго Комитета, въ которыхъ государь разъяснилъ какими взглядами должны руководиться члены коммиссій и большинство этихъ взглядовъ совпадали съ письмами Ростовцева. На первый планъ государь выставилъ три условія: 1) чтобы крестьянинъ немедленно почувствовалъ, что бытъ его улучшенъ, 2) чтобы помѣщикъ немедленно успокоился, что интересы его ограждены, и 3) чтобы сильная власть ни на минуту на мѣстѣ не колебалась. Далѣе были указаны для руководства членамъ комитета слѣдующія начала: свободное сельское населеніе должно было разбиться на сельскія общества, которыя имѣютъ свое мірское управленіе. Помѣщикъ долженъ имѣть дѣло только съ міромъ, не касаясь личности. Необходимо стараться, чтобы крестьяне постепенно дѣлались поземельными собственниками, и комитетъ долженъ сообразить, какія мѣры должно принять правительство и какія условія прекращенія срочно-обязаннаго положенія крестьянъ. Пра-

вительство обѣщаетъ притти на помощь крестьянскому населенію въ пріобрѣтеніи земли. Итакъ, вопросъ о выкупѣ съ высоты престола былъ рѣшенъ утвердительно. Членамъ комиссіи предстояло трудное дѣло выработать подробности программы, да такъ, чтобы никого не обидѣть; а Россія вѣдь велика и земельныя и другія мѣстныя условія въ различныхъ мѣстахъ очень разнообразны. Редакціонныя комиссіи умножились; одна занималась выработкой земельныхъ нормъ, т.-е. сколько кому нужно земли; другая комиссія обсуждала мѣры по уничтоженію крѣпостного права и т. д. Предсѣдателемъ всѣхъ комиссій былъ назначенъ Я. И. Ростовцевъ, а среди членовъ собраны были всѣ наиболѣе преданные друзья крестьянъ изъ среды чиновниковъ и членовъ губернскихъ комитетовъ: Н. А. Милютинъ, Я. А. Соловьевъ, С. Г. Жуковскій, Ю. Ѳ. Самаринъ, кн. В. А. Черкасскій, В. В. Тарновскій и др. Не доставало среди этихъ людей страннымъ образомъ только одного А. М. Унковскаго. Такъ какъ высочайшія правила уже рѣшили вопросъ о выкупѣ, то споры объ этомъ прекратились сами собою, и самые горячіе споры

теперь стали вертѣться около вопроса о надѣлѣ. Крѣпостники стремились къ выгодѣ помѣщиковъ и желали въ хлѣбородныхъ мѣстахъ надѣлы уменьшать, а въ малоурожайныхъ назначали цѣну при выкупѣ повыше. Споры шли въ губернскихъ комитетахъ по всей Руси. Въ этихъ комитетахъ встрѣтились люди новаго и стараго времени; первые, горячіе защитники крѣпостного права, собрали всѣ вѣковыя преданія, чтобы доказать справедливость россійскаго строя; при этомъ они громко кричали, что основы самодержавія шатаются и нужно вставать на защиту ихъ; другіе — представляли дѣятельное меньшинство, которое правильно понимало свою задачу и страстно боролось за благо отечества. Наконецъ третья самая значительная по числу группа людей состояла изъ защитниковъ своего кармана. Мѣстныя условія, конечно, сильно вліяли на мнѣнія членовъ комитета. Въ самыхъ засѣданіяхъ губернскихъ комитетовъ разыгрывались бурныя сцены: раздавались брань, угрозы. Въ концѣ-концовъ изъ хаоса самыхъ разнообразныхъ мнѣній въ работахъ губернскихъ и столичнаго комитетахъ намѣтилось 3 рода мнѣній: 1) одни мало сочув-

ствовали реформѣ и тайно стремились удержать свои права подъ разными видами [1]); 2) другіе открыто заявляли о желаніи удержать всю землю (С.-Петерб.); 3) меньшинство желало дѣйствительнаго уничтоженія крѣпостного права и надѣленія крестьянъ землею [2]).

Выработавъ свои планы освобожденія крестьянъ, губернскіе комитеты отправили своихъ депутатовъ — выборныхъ въ Главный Комитетъ. Депутаты съ нетерпѣніемъ ждали минуты, когда ихъ позовутъ для обсужденія плановъ; имъ это обѣщалъ государь во время своей поѣздки по Россіи. И такъ какъ большинство депутатовъ не были людьми, сочувствующими коренной реформѣ, то они и собирались подставить ножку либераламъ изъ редакціонныхъ комиссій. [3]) Но вожделѣнный мигъ оказался совсѣмъ инымъ: привезенные ими планы читались въ Главномъ Комитетѣ, но мало принимались въ соображеніе; самихъ же депутатовъ пригласили лишь въ редакціон-

---

[1]) Костром., Воронежск., Черниговск. и др. губ.

[2]) Тверская, Нижегородская, Харьковская, Владимирская и другія.

[3]) Лишь немногіе изъ депутатовъ принадлежали къ либераламъ. Таковы были, напр., тверскіе со своимъ предводителемъ А. М. Унковскимъ во главѣ.

ныя комиссіи, да и то только въ качествѣ свѣдущихъ людей. Дворяне были возмущены: ими пренебрегли и кто же?! Чиновники, хотя и высшаго полета, но все же чиновники! Это они стали между ними и монархомъ! Многіе изъ нихъ ясно поняли, —самовластію дворянства пришелъ конецъ, его хотятъ окончательно затереть! Въ нихъ закипѣлъ духъ борьбы; чувство самосохраненія дѣлало ихъ сильными и настойчивыми. Еще до прибытія въ Петербургъ нѣкоторые дворяне питали недобрыя намѣренія уничтожить редакціонныя комиссіи, въ которыхъ они видѣли своего личнаго врага. Появились различныя недоброжелательныя для комиссіи замѣтки въ литературѣ; одна изъ нихъ, какъ говорили, принадлежала перу графа Орлова и въ рѣзкомъ тонѣ осуждала возвышеніе народныхъ массъ, съ одной стороны, а съ другой—„враждебное отношеніе къ людямъ, на которыхъ они до сихъ поръ смотрѣли, какъ на отцовъ". Кромѣ того, группа дворянъ поднесла государю адресъ, въ которомъ предлагала учредить особое дворянское собраніе съ большими государственными полномочіями. Министръ внутреннихъ дѣлъ представилъ государю за-

писку о необходимости пресѣчь въ корнѣ праздныя мечтанія дворянства о какой бы то ни было законодательной власти. Государь согласился съ доводами министра. — Депутаты отъ губернскихъ комитетовъ должны были прибыть въ два срока. 25 августа 1859 года депутаты перваго призыва были приглашены въ общее засѣданіе комитета и имъ была прочтена инструкція (указаніе); изъ нея было ясно, что роль прибывшихъ дворянъ будетъ только совѣщательная и съ ихъ мнѣніемъ мало будутъ считаться. Депутаты переглядываются между собою и водворяется глубокое молчаніе. Секретарь приноситъ кипу этихъ инструкцій и предлагаетъ членамъ разбирать ихъ. Предсѣдатель закрываетъ засѣданіе. „И это все?“ — „Кто составилъ эту инструкцію?“ спрашиваютъ депутаты другъ друга. Откуда такая перемѣна?—4 сентября ошеломленные дворяне стоятъ передъ государемъ въ Царскомъ Селѣ и слушаютъ его рѣчь: „Господа! Я очень радъ васъ видѣть, я призываю васъ для содѣйствія дѣлу, равно интересному для меня и для васъ и успѣха которому, я вполнѣ увѣренъ, вы столько же желаете, сколько и

Н. А. Милютинъ.

Я. И. Ростовцевъ.

В. к. Елена Павловна.

В. к. Константинъ Николаевичъ.

я; съ нимъ связано благо Россіи; я увѣренъ, что вѣрное мнѣ дворянство, всегда преданное престолу, съ усердіемъ будетъ мнѣ содѣйствовать"... Въ такомъ духѣ была и остальная рѣчь государя. Онъ обѣщалъ дворянамъ, что всѣ ихъ мнѣнія, даже и несогласныя съ мнѣніями редакціонныхъ комиссій, будутъ ему извѣстны. Затѣмъ депутаты возвратились въ отведенныя имъ комнаты и были приглашены на гофмаршальскій обѣдъ. Это все показалось такъ страннымъ для депутатовъ, что многіе изъ нихъ вернулись тотчасъ же въ Петербургъ. И вотъ произошло неожиданное явленіе: люди, которые нѣсколько мѣсяцевъ вели между собою ожесточенные споры, теперь вдругъ оказались объединенными между собою въ главномъ: они защищали себя, свои, какъ они думали, попранныя права, свои интересы. Правительство же шло противъ дворянъ ради своихъ цѣлей, — для того, чтобы оградить себя отъ дворянскихъ попытокъ стать ближе къ власти, и для того, чтобы дать освобожденіе крестьянамъ и тѣмъ самымъ спасти государство отъ гибели. Комиссіи же хотя и дѣйствительно имѣли въ своемъ составѣ чиновниковъ, но они были людьми,

воодушевленными идеей блага народа, и были людьми знающими и просвѣщенными.

Дворяне устроили послѣ поѣздки въ Царское Село нѣсколько собраній и составили къ государю два адреса: одинъ изъ нихъ подписанъ 18 депутатами (семь человѣкъ уже уѣхало, 5 не участвовали, одинъ подалъ отдѣльно); въ этомъ адресѣ дворяне просили дозволить имъ разсмотрѣть окончательные труды комиссіи до обсужденія ихъ Главнымъ Комитетомъ и отъ себя подать отдѣльно въ Главный Комитетъ свое мнѣніе объ этихъ трудахъ.

Очень интересенъ второй адресъ, представленный пятью остальными депутатами во главѣ съ А. М. Унковскимъ (изъ Тверской губ.). Въ немъ прямо указаны тѣ мѣры, отъ которыхъ можно было ожидать благо для роста дальнѣйшей Россіи: „Увеличеніемъ надѣла крестьянъ землею и крайнимъ пониженіемъ повинностей въ большей части губерній помѣщики будутъ разорены, а бытъ крестьянъ не будетъ улучшенъ, по той причинѣ, что хотя крестьянамъ и предоставляется самоуправленіе, но оно будетъ подавлено и уничтожено вліяніемъ чиновниковъ; и потому,

что крестьяне только тогда почувствуютъ бытъ свой улучшеннымъ, когда они избавятся отъ всѣхъ обязательствъ передъ владѣльцами и когда сдѣлаются собственниками; ибо свобода личная невозможна безъ свободы имущественной. Въ установленныхъ обязательныхъ отношеніяхъ между лично свободными крестьянами и помѣщиками, лишенными общественнаго значенія и участія въ управленіи народомъ лежатъ зародыши опасной борьбы сословій“... и далѣе въ адресѣ депутаты просятъ: 1) даровать крестьянамъ полную свободу съ надѣленіемъ ихъ землею въ собственность, посредствомъ немедленнаго выкупа, по цѣнѣ и на условіяхъ, не разорительныхъ для помѣщика; 2) образовать хозяйственно-распорядительное управленіе, общее для всѣхъ сословій, основанное на выборномъ началѣ; 3) учредить независимую судебную власть, т.-е. судъ присяжныхъ и гражданскія судебныя учрежденія, независимыя отъ административной власти, съ введеніемъ гласнаго и словеснаго судопроизводства и съ подчиненіемъ мѣстныхъ должностныхъ лицъ непосредственной отвѣтственности передъ судомъ; 4) дать возможность обществу путемъ не-

чатной гласности доводить до свѣдѣнія верховной власти недостатки и злоупотребленія мѣстнаго управленія.

Въ концѣ адреса говорится, что составители рѣшаются высказать свои „откровенныя убѣжденія, въ полномъ упованіи на милостивое вниманіе къ мыслямъ, внушеннымъ имъ долгомъ присяги, безпредѣльной любви къ престолу и отечеству".

Адреса были отосланы государемъ Главному Комитету на разсмотрѣніе; Главный же Комитетъ постановилъ сдѣлать подписавшимъ адреса выговоръ черезъ губернаторовъ съ оставленіемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ подъ особымъ надзоромъ мѣстнаго начальства. По всей Руси раздался ропотъ, слово было сочтено дерзостью, и многіе увидѣли въ этомъ возвращеніе къ старому времени, когда самая мысль казалась подозрительной. Масла въ огонь подлилъ министръ Ланской, который, опасаясь волненій во время дворянскихъ собраній 1859 — 1860 г., разослалъ циркуляръ съ воспрещеніемъ совершенно касаться вопроса освобожденія крестьянъ. Времена перемѣнились, довѣріе общества къ трудамъ коммиссіи пошатнулось, среди молодежи стали

образовываться тайные кружки и собранія. На ряду съ этимъ усилилась цензура; этимъ оборвались литературные споры такихъ мыслителей, какъ Добролюбовъ, Чернышевскій и др. по поводу общины, артели и другихъ формъ хозяйственной жизни крестьянъ.

Началось то, что называется „реакціей“: если она не успѣла задержать провозглашеніе освобожденія крестьянъ, то потому, что дѣло уже ушло слишкомъ впередъ.

Борьба, поднятая дворянами, нападки на редакціонныя комиссіи, броженіе въ обществѣ, повліяли на непривыкшую къ борьбѣ, добродушную, рыхлую фигуру Я. И. Ростовцева. Въ концѣ ноября онъ заболѣлъ желтою лихорадкою, которая вскорѣ и положила его въ постель, а въ началѣ 1860 г. свела въ могилу. Такъ до конца своей жизни Я. И. Ростовцевъ, оставался преданнымъ „святому дѣлу“, какъ онъ самъ называлъ работу надъ освобожденіемъ крестьянъ.

Прибывшіе въ Петербургъ депутаты 2-го разряда проявили очень мало интереса къ вопросамъ государственнымъ, а больше пеклись насчетъ своихъ собственныхъ нуждъ; принадлежа къ западнымъ губерніямъ и чер-

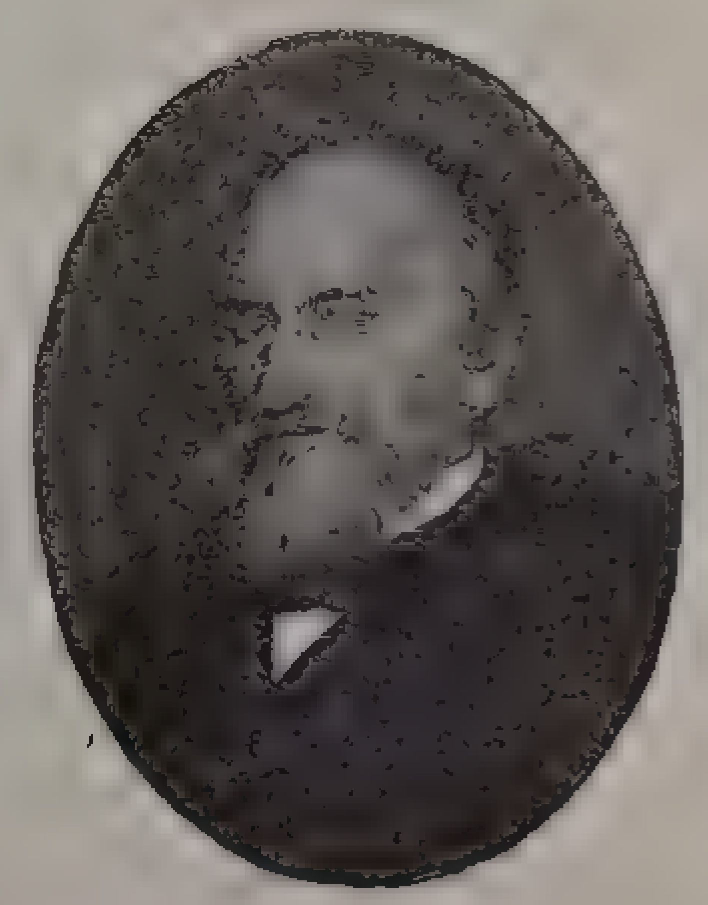
Ю. Ѳ. Самаринъ.

В. А. Черкасскій.

С. С. Ланской.

А. М. Унковскій.

ноземной полосѣ, они, какъ и нужно было ожидать, вели себя, какъ „богатые и знатные". Ихъ требованія сводились къ тому, чтобы получить наибольшій выкупъ взамѣнъ ускользающихъ отъ нихъ рабочихъ рукъ. Помѣщики урожайныхъ мѣстъ очень неохотно разставались съ самою землею и стремились къ возможно меньшему размѣру надѣла. Въ редакціонныхъ коммиссіяхъ шли бурныя засѣданія; не легко было согласовать разнородныя желанія дворянъ и стремленія истинныхъ друзей народа. Но въ народѣ было все тихо, броженіе верхнихъ слоевъ не увлекало его. онъ ждалъ, сосредоточенно, напряженно ждалъ и вѣрилъ... И боязливо на него косились помѣщики и смотрѣли на него, какъ на дикаго звѣря, котораго приготовились выпускать на свободу, а онъ, того и гляди, начнетъ сводить старые счеты... Неожиданно для всѣхъ на мѣсто Ростовцева былъ назначенъ графъ Панинъ, „буквоѣдъ-законникъ", а главное по убѣжденіямъ завзятый крѣпостникъ, въ глазахъ котораго народъ былъ „подлой чернью". Всѣ были крайне смущены.

Но крѣпостникъ этотъ въ силу своей гибкой натуры могъ вполнѣ поступить противъ

своей совѣсти. Государь приказалъ, чтобы дѣло освобожденія шло по-прежнему руслу, и графъ Панинъ покорно подчинился: работа комиссій покатилась по проложеннымъ рельсамъ, только будто душа дѣла отлетѣла... Изумленно поднимались брови барина-крѣпостника, когда вмѣсто привычныхъ словъ: „такъ точно! слушаю!“ — ему какіе-то выскочки дерзали говорить: нѣтъ и нѣтъ! Дерзали спорить съ нимъ. Однажды онъ не вытерпѣлъ и со вздохомъ сказалъ: „Надо признаться, времена тайныхъ и даже дѣйствительныхъ тайныхъ совѣтниковъ прошли безвозвратно“.

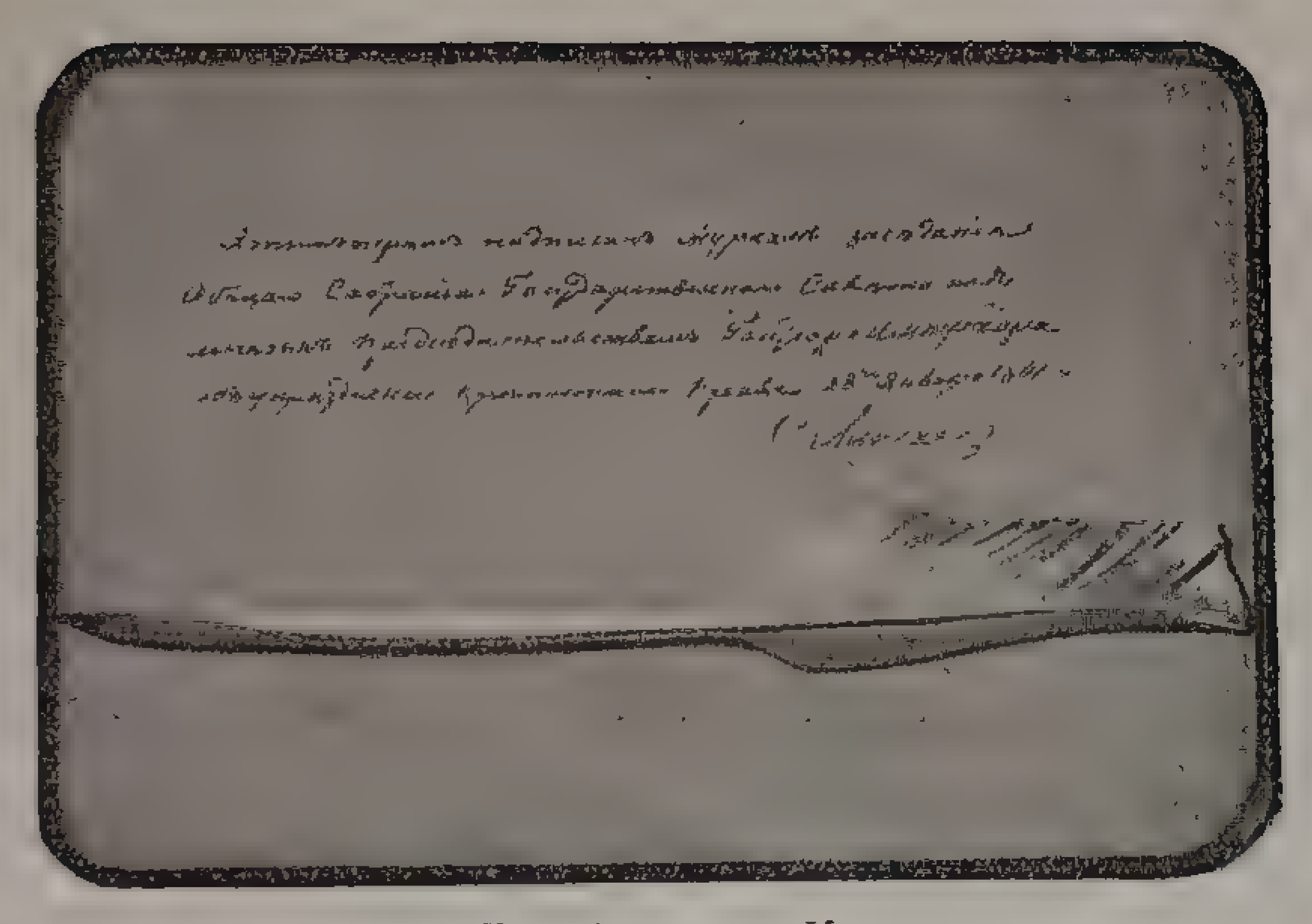
Попытки Панина оказать противодѣйствіе были напрасны, и только потомъ уже въ главномъ комитетѣ эта несимпатичная личность успѣла въ нѣкоторыхъ своихъ стараніяхъ: благодаря ему былъ допущенъ такъ называемый „сиротскій“ надѣлъ [1]).

Вскорѣ „редакціонныя“ комиссіи были закрыты. Всѣ труды комиссій были переданы въ Главный Комитетъ: теперь всѣ ждали конца дѣла — объявленія воли. Манифестъ

---

[1]) Если помѣщикъ отдавалъ даромъ землю, то онъ этимъ избавлялся отъ своихъ обязанностей, а такой надѣлъ равнялся $^1/_4$ нормальнаго.

объ этомъ сначала составили Самаринъ и Милютинъ, но онъ не понравился Панину, и тотъ поручилъ составленіе этого важнаго документа митрополиту Филарету, который не сочувствовалъ дѣлу освобожденія; онъ взялся за этотъ манифестъ не по доброй волѣ, а только согласно Высочайшему распоряженію. 5 февраля манифестъ былъ составленъ и препровожденъ графу Панину; изъ первоначальной формы манифеста были выкинуты многія теплыя выраженія, напримѣръ, вычеркнуто названіе этого историческаго дня - радостнымъ. Панинъ, обставлялъ послѣдніе шаги дѣла освобожденія мрачною таинственностью; такъ мало было у этихъ государственныхъ людей вѣры въ народъ и знанія его духа. Среди высокихъ сановниковъ и именитыхъ дворянъ смятеніе и робость увеличивались; многіе хмуро поговаривали о томъ, что ихъ „рабы", узнавъ о дарованіи свободы, первымъ дѣломъ подинмутъ топоръ противъ своихъ бывшихъ господъ и пойдетъ „пугачевщина"... Одинъ сановникъ предлагалъ знакомымъ на день объявленія воли спрятать наиболѣе цѣнныя вещи въ подвалахъ его дворца, онъ укрѣ-

Перо Александра II.

нилъ его изнутри и будто въ крѣпости ожидалъ врага. Напрасно Ланской, Милютинъ и другіе друзья народа подали записку о безполезности и даже вредѣ такихъ мѣръ, которыя только возбудятъ излишнее волненіе въ народѣ. Однако государь склонился на сторону людей осторожныхъ, говоря, что „тогда поздно принимать мѣры". Энергичный председатель Главнаго Комитета по крестьянскому дѣлу, великій князь Константинъ Николаевичъ, постарался, чтобы въ комитетѣ манифестъ не задержался и прошелъ безъ измѣненія; въ соединенномъ засѣданіи Главнаго Комитета и Совѣта Министровъ, государь благодарилъ великаго князя, обнималъ его и цѣловалъ въ знакъ признательности за совершенные труды. Наступилъ историческій день 19 февраля, величайшій въ развитіи Россіи XIX вѣка. Государственный секретарь Бутковъ везетъ государю для подписи драгоцѣнный актъ о дарованіи двадцати двумъ милліонамъ людей свободы.

Но вотъ какъ описываетъ эту минуту прекрасный разсказчикъ объ этомъ времени, Г. А. Джаншіевъ: „Александръ II пожелалъ въ эту исключительную по торжественности, въ эту

святую минуту, когда совершалось важнѣйшее дѣло его царствованія и обозначался поворотный пунктъ въ исторіи новой Россіи, остаться одинъ, наединѣ со своею совѣстью, безъ свидѣтелей, въ особенности безъ такихъ равнодушныхъ или точнѣе бездушныхъ свидѣтелей, какъ Бутковъ... Если кого желалъ сильно видѣть около себя въ это чудное мгновеніе, государь, то, конечно, своего вѣрнаго сотрудника Я. И. Ростовцева, надъ могилою котораго незадолго передъ тѣмъ, 6 февраля, онъ лилъ горячія слезы. Историческимъ гусинымъ перомъ былъ подписанъ Александромъ II въ лихорадочномъ возбужденіи, въ столь естественномъ и трогательномъ волненіи 19 февраля освободительный манифестъ въ филаретовской редакціи, и на другой день онъ былъ высланъ въ Государственную Канцелярію. Свершилось! Жребій былъ брошенъ!"

Манифестъ подписанъ; въ громадномъ числѣ экземпляровъ его печатаютъ. Все еще тайна обволакиваетъ свершившійся шагъ. Но уже всѣ чувствуютъ, почти что знаютъ. Вотъ толпа народа видитъ государя на Дворцовой набережной, и, какъ прорвавшаяся вода сквозь плотину, звучитъ восторгъ народной благо-

Императоръ Александръ II на Сенатской площади. (Карт. [illegible])

дарности. Въ другомъ мѣстѣ народная толпа безмолвно падаетъ къ его ногамъ... Какъ же готовятъ народъ къ встрѣчѣ желанной вѣсти?! Происходитъ спѣшный наѣздъ въ губерніи свѣтскихъ генераловъ и флигель-адъютантовъ полковничьяго чина, чтобы состоять при губернаторахъ и способствовать скорѣйшему объявленію манифеста; на самомъ дѣлѣ, конечно, такія мѣры диктуются боязнью, чувствомъ самосохраненія и непониманіемъ народнаго характера.

5 марта въ Петербургѣ съ амвоновъ прочитали народу манифестъ о желанной свободѣ; его же расклеивали на улицахъ, какъ афиши. Непонятный, тяжеловѣсный языкъ манифеста мѣшалъ сильному впечатлѣнію, и первый мигъ на лицахъ слушателей изображалось недоумѣніе. „Осѣни себя крестнымъ знаменіемъ, православный народъ, и призови съ нами Божіе благословеніе на твой свободный трудъ“... Когда раздались съ амвона знаменательныя слова, всѣ дѣйствительно осѣнили себя крестомъ и вѣрили и не вѣрили въ свершившееся чудо и не смѣли радоваться. На улицахъ сначала робко, затѣмъ увѣреннѣе зазвучало тамъ и сямъ „ура“.

Вотъ на Царицыномъ лугу (это было прощенное воскресенье) народное гулянье; проѣзжаетъ государь, въ воздухъ полетѣли шапки и прогремѣло восторженное „ура“. Казалось бы, что въ послѣдній день масленицы народному разгулу не должно бы быть предѣла. Но день противъ обыкновенія прошелъ спокойно; народъ и не могъ сразу освоиться съ дарованной свободой да и привыкъ сдерживать волнующія его чувства; не было и пьянства и откупщики напрасно разсчитывали на повышенное потребленіе. Въ послѣдующіе дни къ государю потянулись фабричные рабочіе съ хлѣбомъ-солью и съ адресами благодарности. Въ Москвѣ день чтенія манифеста прошелъ еще тише, и даже нигдѣ не слышно было криковъ „ура“. Вечеромъ, въ трактирѣ Самарина собралось до 32 человѣкъ, литераторовъ, помѣщиковъ, купцовъ и т. д.; они устроили тамъ банкетъ въ честь событія; радостные, они цѣловали другъ друга, поздравляли, какъ со Свѣтлымъ праздникомъ, провозглашали тосты за Освободителя.

Съ утра же 5 марта телеграфъ разнесъ извѣстіе о радостномъ событіи и вглубь Рос-

сіи, а всл҃дъ скакали гонцы, которые везли печатные экземпляры манифеста и „Положеніе о крестьянахъ 19 февраля“. Вездѣ объявленіе воли прошло спокойно; въ Архангельской губ. очень торжественно отпраздновали этотъ день. Но вездѣ народъ былъ совершенно трезвый и сдержанный. Въ деревни спеціальные флигель адъютанты развозили завѣтныя книги въ пакетѣ, съ казенною печатью одну помѣщику, другую старостѣ. Въ общемъ объявленіе воли прошло безпорядочно, печатныхъ манифестовъ не хватило; чиновники позволяли себѣ иногда давать собственныя темныя поясненія и нравоученія. Вотъ какъ описываетъ одинъ писатель объявленіе воли въ селѣ: „За нѣсколько дней до Благовѣщенія подкатила къ барскому дому тройка. Съ облучка соскочилъ солдатъ, а изъ саней вышелъ полковникъ. По селу мигомъ разнеслась вѣсть, что привезли волю отъ царя. Пока полковникъ завтракалъ и обѣдалъ, — а повара въ с. Мурасѣ всегда были прекрасные, народъ собрался у конторы и ждалъ воли. Солдатъ изъ саней досталъ два большихъ запечатанныхъ пакета, подалъ ихъ полковнику, и онъ съ ними отправился на

сходку. Сходка въ поясъ ему поклонилась, и полковникъ держалъ такую рѣчь: „Вотъ два пакета одинаково запечатанные, и въ нихъ вложены одинаковыя книги Положенія. Одна книга помѣщику, а другая крестьянамъ, которую вручаю вашему старостѣ. Въ этой книгѣ написаны всѣ ваши права и обязанности; вы въ ней все найдете, что царь далъ народу. Слушайтесь вашихъ помѣщиковъ и работайте, чтобы на васъ жалобъ не было". Крестьяне низко поклонились. Полковникъ ускакалъ въ другія села. Появились деревенскія грамотеи толкователи, которые читали манифестъ и говорили: „Всякое слово для меня понятно, а куда что прикладывается не могу разобрать, не могу и людямъ растолковать". А мужику-то опредѣленно хотѣлось знать, чьи луга, земля и др. угодья. Иныхъ толкователей забирала полиція, и они тогда выростали въ глазахъ публики... Темное изложеніе и большія ожиданія привели большую часть крестьянъ въ разочарованіе. Въ Положеніи въ статьѣ объ отмѣнѣ сборовъ стояли на первомъ мѣстѣ: птица, бараны, масло, яйца, грибы, холсты и т. д. Это мѣсто приводило народъ въ большое смущеніе, онъ

Чтеніе Положенія 19 февраля 1861 г. Съ картины *Мясоѣдова*.

рѣшилъ, наконецъ, что сейчасъ объявлена только „бабья воля“, а мужичья „настоящая“ отложена на 2 года.

Что же дало 19 февраля крестьянамъ?

Въ чемъ заключалось „Положеніе“? Борьба, которая происходила между несогласными сторонами, привела къ тому, что реформа старалась угодить однимъ и другимъ.

Самое цѣнное и дѣйствительное благо для крестьянина, дарованное Положеніемъ 19 февраля, это была личная свобода: крестьянинъ могъ теперь свободно заняться трудомъ земледѣльца на собственной землѣ.

Крестьяне по положенію получали усадебную осѣдлость и тѣ земельныя угодья, которыми пользовались до освобожденія, и помѣщикъ не могъ больше пользоваться тѣмъ, что было предоставлено крестьянамъ. За все это крестьянинъ несъ извѣстныя повинности. Усадебную землю онъ могъ получать въ собственность безъ согласія помѣщика; относительно полевыхъ угодій нужно было согласіе помѣщика. Для каждой ревизской души былъ установленъ высшій и низшій надѣлъ крестьянской земли. При этомъ излишекъ шелъ въ пользу помѣщика, а недостача къ надѣлу

тоже нарѣзывалась изъ помѣщичьей земли. Между крестьянами и помѣщикомъ создавались отношенія, названныя въ Положеніи *временно обязанными.* Съ выплатой всей суммы эти отношенія оканчивались. Правительство хотѣло облегчить переходъ крестьянъ въ собственники и приходило казенными деньгами на помощь. Крестьяне могли выкупаться и цѣлыми обществами, но выкупы зависѣли вполнѣ отъ помѣщика, и безъ его согласія крестьяне не могли пріобрѣтать землю. Кромѣ того, какъ говорилось уже выше, помѣщикъ могъ откупиться „нищенскимъ надѣломъ"; согласіе на этотъ „нищенскій надѣлъ" дало очень плачевные результаты и обездолило многія тысячи крестьянскихъ обществъ. Крестьяне и помѣщики могли договариваться и иначе, по добровольному соглашенію, соблюдая только 3 правила: 1) сдѣлка должна быть удостовѣрена со стороны добросовѣстности, 2) возвращеніе барщины недопустимо, 3) надѣленіе землею должно быть въ достаточномъ для пользованія размѣрѣ. Черезъ годъ послѣ объявленія Положенія въ каждомъ сельскомъ обществѣ должна быть готова уставная грамота, а въ теченіе 2 лѣтъ она должна быть при-

ведена въ дѣйствіе; до введенія въ дѣйствіе уставной грамоты крестьяне попрежнему отбывали всѣ повинности, но новыя не налагались, а также сейчасъ же отмѣнялись всѣ поборы помѣщиковъ съ крестьянъ.

Изъ этихъ правилъ оказались исключенными дворовые люди, которые остались въ обязанныхъ отношеніяхъ къ помѣщику (за что получали содержаніе), а надо замѣтить, что таковыхъ ко дню освобожденія было до 325.627 душъ. На томъ же положеніи оказались и крестьяне малоземельныхъ помѣщиковъ (владѣющіе не выше 75 дес. въ неурожайныхъ мѣстностяхъ и 60 въ урожайныхъ). Нѣкоторымъ мелкопомѣстнымъ помѣщикамъ правительство пришло на помощь, отпустивъ на этотъ расходъ до 5 милліоновъ рублей.

По вопросу о пользованіи землею редакціонныя комиссіи не отдавали предпочтенія общинной или подворной системѣ и повсемѣстно оставляли все въ прежнемъ видѣ. Положеніе въ этомъ отношеніи раздѣлило Россію на 4 участка со своими особыми мѣстными положеніями: 1) Великороссійскій участокъ состоитъ изъ 29 великорусскихъ губерній, 3 новороссійскихъ, 2 бѣлорус-

скихъ; сюда же примыкаетъ область Войска Донского, Ставропольская губ. и Сибирь. Отличительной чертой этого участка является общинное землевладѣніе; размѣръ надѣла для этой области опредѣленъ отъ 2¾ дес. и до 12 д., только для Сибири до 15. Общинное землепользованіе соединяется обыкновенно съ мірскою круговою порукой: 2) Мѣстное малороссійское положеніе распространяется на губерніи Полтавскую, Черниговскую и часть Харьковской. Особенность этихъ губерній отсутствіе общиннаго пользованія и пахотьба на волахъ. 3) Юго-западная область имѣетъ особенностью неприкосновенность мірской земли, сюда были причислены, Кіевская, Подольская и Волынская губерніи. 4) Сѣверно-западная мѣстность включаетъ въ себѣ Литовскій край съ подворно-участковымъ владѣніемъ. Отдѣльно была оставлена Бессарабія.

Соотвѣтственно этому дѣленію и указываются въ Положеніи размѣры надѣловъ.—

Положеніе установило новое административное устройство для деревни. Крестьяне дѣлятся на самоуправляющіяся сельскія общества; изъ этихъ обществъ составляются волости. Для предупрежденія всякихъ споровъ

Мировые посредники. Съ картины *Дмитріева*.

между помѣщиками и крестьянами на срокъ временныхъ обязательствъ были учреждены должности „мировыхъ посредниковъ“; они просуществовали до 1875 г. и принесли крестьянамъ много пользы.

Таково было содержаніе Положенія о крестьянахъ 1861 года. Основныя Положенія 19 фев. 1861 г. были распространены на государственныхъ крестьянъ; Положеніемъ 24 ноября 1866 г. крестьяне получили земельные надѣлы, значительно большіе въ сравненіи съ помѣщичьими крестьянами. За землю была наложена оброчная подать, платежъ которой прекращался по выкупѣ крестьянами своихъ надѣловъ. Расцѣнка государственныхъ земель въ общемъ была меньше помѣщичьихъ. Выкупъ сначала былъ необязательный, и благодаря тяжелымъ условіямъ не имѣлъ широкаго распространенія. Но въ 1886 г. оброчная подать была преобразована въ выкупные платежи, которые, несмотря на пониженіе помѣщичьихъ выкупныхъ платежей въ 1881 г., все-таки и теперь оказались менѣе высокими въ сравненіи съ первыми.

Для крестьянъ вскорѣ обнаружились существенные недочеты Положенія 19 февр.

Главными изъ нихъ были: большая неравномѣрность въ распредѣленіи надѣловъ, недостаточность этихъ надѣловъ и непомѣрно высокія повинности. Кромѣ того, при распредѣленіи земли крестьянамъ достались худшіе по качеству участки, и нарѣзались они зачастую въ разныхъ мѣстахъ и длинными узкими полосами. Сельское хозяйство не могло развиваться достаточно хорошо, такъ какъ крестьяне ощущали постоянную нужду въ деньгахъ, а правильно устроеннаго кредита для крестьянъ не было; поневолѣ крестьянинъ сильно потянулся къ отхожимъ промысламъ, что на хозяйствѣ отзывалось разрушающимъ образомъ.

Вскорѣ послѣ выхода манифеста по всей Россіи пошло броженіе. Крестьяне ждали, что они тотчасъ же освободятся отъ повинностей по отношенію къ помѣщикамъ; многіе ожидали даже, что они получатъ всю землю помѣщиковъ, которые уйдутъ на царскую службу, а тутъ вдругъ все остается на два года въ прежнемъ видѣ. Разочарованіе было очень сильное. Соблазнительная мечта о подлогѣ распространялась все сильнѣе; начались волненія и безпорядки, во многихъ мѣстахъ очень большіе: по офиціальнымъ

свѣдѣніямъ за періодъ съ 19 февраля 1861 года по 19 февраля 1863 года ихъ было свыше 1100 случаевъ. Очень серьезные безпорядки были въ Пензенской и Казанской губ., гдѣ пришлось прибѣгать къ военной силѣ. Сопротивленіе крестьянъ было такъ велико, что въ деревнѣ Кандеевкѣ, Пензенской губерніи 410 человѣкъ, окруженные войсками, не просили о помилованіи, а попрежнему кричали: „Всѣ до одного умремъ, но не покоримся". И только, когда стали наказывать главныхъ зачинщиковъ, всѣ стали просить прощенія. На государя настроеніе крестьянъ подѣйствовало раздражающимъ образомъ; самолюбіе его страдало отъ такой неблагодарности. Въ обществѣ тоже все сильнѣе намѣчается, съ одной стороны, бурное недовольство, съ другой многіе слои были такъ напуганы бунтами, пожарами и революціонными требованіями нѣкоторыхъ кружковъ, что подались назадъ и были захвачены въ сторону ложнаго патріотизма. Однако историческій шагъ, сдѣланный русскимъ государствомъ 19 февраля 1861 г., былъ настолько огроменъ по своей важности, что за нимъ неминуемо должны были послѣдовать перемѣны

освободительнаго характера; могучій потокъ свѣта, вызванный къ жизни, не могъ погаснуть, хотя этого многіе желали. Съ крестьянской реформой неразрывно связана судебная реформа, которая создала судъ для всѣхъ „равно справедливый“. Сюда же примыкаетъ введеніе самоуправленія въ городахъ и въ земствѣ: завѣдываніе мѣстными дѣлами и нуждами перешло въ руки самихъ жителей. Россія стала покрываться сѣтью школъ. Народное здравіе стало предметомъ вниманія и попеченія. Быстро прокладываются всюду пути сообщенія; быстро растутъ города съ ихъ внѣшней культурою... Правда, и черезъ пятьдесятъ лѣтъ многое еще остается сдѣлать для русскаго крестьянина, призваннаго быть гражданиномъ великой реформой 19 февраля 1861 года.

